

№133 2016 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признание уже одержанной победы

РАБОТА «МЕМОРИАЛА» БУДЕТ ПРОДОЛЖЕНА НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО

5 сентября началась внеплановая проверка Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». По поручению Генеральной прокуратуры Минюста Юстиции проводится проверка на предмет «выявления наличия (отсутствия) признаков деятельности Организации в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента...».

Международное общество «Мемориал» продолжит работу вне зависимости от результатов проверки Минюста, сообщил председатель Правления организации Арсений Рогинский.

«Мемориал» проработал уже около 30 лет. Это доказательство того, что мы нужны многим людям в стране. Я уверен, что какой бы ни был результат проверки, работа «Мемориала» будет продолжена», — сказал Арсений Рогинский «Интерфаксу».

По его словам, по опыту, когда проводится внеплановая проверка по предписанию Генпрокуратуры, организацию включают в реестр иностранных агентов.

«Для нас, исходя из прошлого опыта, результат должен быть худший. С другой стороны, нужно дождаться конца проверки, там все возможно, все-таки у нас статус международной организации. Международные организации по постановлению Конституционного суда не могут быть включены в реестр», — отметил он.

«Учитывая то, как Минюст понимает политическую деятельность, а именно как попытку влияния на общественное мнение, — вся наша деятельность является влиянием на общественное мнение, как и любой общественной организации — это будет нетрудно», — сказал Рогинский.

8 сентября 2016 года офис «Международного Мемориала» посетил глава президентского Совета по правам человека Михаил Федотов. Он встретился с членами Правления Международного общества «Мемориал» и обсудил с ними вопросы, связанные с внеплановой проверкой «Мемориала», которую осуществляет сейчас Министерство юстиции РФ.

Результаты проверки Минюста станут известны в конце сентября — начале октября.

Напомним, что в список НКО, выполняющих функции «иностранного агента», включены четыре региональные «Мемориалы» и три правозащитные организации: Рязанский «Мемориал», Екатеринбургское общество «Мемориал», Научно-информационный центр «Мемориал» (Санкт-Петербург), Петербургский Антисекретный центр «Мемориал», Коми правозащитная комиссия «Мемориал», Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», Информационно-просветительский центр «Мемориал» г. Екатеринбург и Правозащитный центр «Мемориал».

ПРОЩАНИЕ С «ПЕРМЬЮ-36»

Автономная некоммерческая организация «Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36» завершила процедуру вынужденной ликвидации. 10 августа 2016 года соответствующая запись была внесена в ЕГРЮЛ. После этого организация была исключена из реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранного агента». Создатель музея Виктор Шмыров рассказал «30 октября», что вместо музея политических репрессий, который существовал в Пермском крае, будет создан виртуальный проект в Интернете.

«Поскольку мы были лишены возможности работать в бывшем лагере «Пермь-36», мы будем делать виртуальный музей, — рассказывает Виктор Шмыров. — Отдельные проекты «Перми-36» продолжают свою работу. В частности, международная школа музеологии — проект, который мы вели на протяжении многих лет, пройдет в следующем году в одной из европейских стран.

Проект Pilorama Lab, возможно, будет реализован в Нидерландах.

Главная задача — восстановление и сохранение лагеря «Пермь-36» — выполнена, считает Виктор Александрович. «Музей будет стоять после нас лет 30–40, не требуя серьезных человеческих вмешательств, — все делали надежно. Если бы не мы, этого памятника не было бы. Мы довольны тем, что сохранили этот памятник, — отмечает Шмыров. — Мы уйдем, а он будет жить. Придут другие времена, другие люди, и он снова будет восстановлен в прежнем качестве».

Сейчас Виктор Шмыров вместе со своими бывшими коллегами работают над новым проектом — «Виртуальный музей ГУЛАГа «Пермь-36». «Надеемся открыть первую экспозицию уже в мае 2017 года, а потом планируем сделать очень серьезный виртуальный музей по истории ГУЛАГа, аналогов которому нет в мире», — рассказал собеседник издания.

Напомним: автономная некоммерческая организация «Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36» была создана в 2001 году на территории бывшей советской зоны для политзаключенных. В музее проводилось множество образовательных и культурных мероприятий.

Конфликт между краевыми властями и дирекцией музея «Пермь-36» возник в конце 2013 года. В результате организаторы музея были отстранены от работы и кураторства выставок, а весь имущественный комплекс «Перми-36», в том числе документальный архив, перешел в ведение администрации края, о чем

Окончание на с. 2 >

На снимках: Территория бывшего музея. Виктор Шмыров.

Фото из архива Пермского «Мемориала»

1. (Единый государственный реестр юридических лиц. — Примеч. ред.)

ВСПОМИНАЯ САНДАРМОХ

С 5 по 9 августа 2016 года Петербургский «Мемориал» принял участие в ежегодных Международных днях памяти жертв государственного террора, проходящих на мемориальном кладбище «Сандармох» под Медвежьегорском и на Соловецких островах.

Традиционная ежегодная торжественная траурная церемония состоялась под городом Медвежьегорском в урочище Сандармох, где в 1937–1938 годах были убиты тысячи невинных людей разных национальностей, разных вероисповеданий, с разными политическими взглядами и без них. На площади 10 гектаров обнаружено 236 расстрельных ям, где во время Большого террора 1937–1938 годов было расстреляно и захоронено свыше 9500 человек 58 национальностей.

Это одно из самых больших на Северо-Западе России захоронений жертв сталинских репрессий. Преимущественно это были спецпоселенцы и заключенные с Беломорско-Балтийского канала (каналоармейцы) и Соловецких лагерей, а также жители окрестных сел. Наряду с крестьянами, рыбаками и охотниками из ближайших деревень под Медвежьегорском расстреляны писатели и поэты, ученые, военачальники, врачи, учителя, инженеры, иерархи и священнослужители различных конфессий, государственные деятели. Среди убитых — сестра миллионера Рябушинского Александра Алексея, начальник личной библиотеки царя Николая II Николай Гельмерсен, невестка генерала, героя I мировой войны Варвара Брусилова, несколько православных и католических епископов, ученый, философ и богослов Василий Сперанский, начальник киевской милиции Федор Беган, профессор философии Альфред Бон, оперный певец Николай Гриневский, дочь контр-адмирала Скаловского Лидия Михайлова, юрист и журналист Мария Науменко, один из ярких лидеров анархистского движения Павел Распопов, член партии эсеров с 1905 года Петр Тахаев, про-

Окончание на с. 6 >

На снимке: Родственники расстрелянных в Сандармохе привозят на место гибели старые фотографии. Фото из архива Фонда Иофе

Дорогие читатели, мемориальцы!

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на издание у «Международного Мемориала». Вы хотите получить газету по электронной почте? Отправьте в редакцию запрос на годовую бесплатную pdf-подписку по адресу: 30october@cknot.info
У вас нет компьютера? Напишите нам, постараемся выслать с оказией, а при случае и почтой.

Главный редактор Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Следы огромного движения с. 2

Новая книга «Мемориала» о народнических партиях с. 3

Воспоминания о мемориалке из Берлина — Маргарет Крам с. 4

София, врач из Карлага с. 10

Определение границ массовых захоронений в Пивоварихе с. 11

ОВД-ИНФО НУЖДАЕТСЯ В ПОДДЕРЖКЕ

«30 октября» подробно писала в № 130 о работе правозащитного проекта ОВД-Инфо. Сейчас проекту нужны средства для продолжения своей работы.

ОВД-Инфо собирает деньги на работу группы мониторинга. Группа мониторинга работает в режиме 24/7 без выходных и праздников. На горячую линию и в редакции дежурит команда, профессионально разбирающаяся в медиа и правах человека.

«С помощью краудфандинга мы уже получили средства на первое полугодие 2016 года, а сейчас собираем на второе», — сообщают на сайте организаторы проекта. На второе полугодие 2016 года нужно собрать 996 562 рубля.

Подробности того как можно оказать финансовую помощь можно найти на сайте ovdinfo.org. На середину сентября собрано собрано 527 550 рублей.

ОВД-Инфо ежедневно фиксирует задержания на публичных мероприятиях, публикует информацию о других видах политического преследования. «Мы верим, что информация освобождает и защищает, а анализ собранных данных позволит изменить

Окончание на с. 4 >

ПРОЩАНИЕ С «ПЕРМЬЮ-36»

➤ Окончание. Начало на с. 1

«30 октября» подробно писала в № 120, 121, 125, 128, 130.

В начале марта 2015 года после преследований и травли АНО «Пермь-36» объявила о самоликвидации и завершении своих проектов на территории края. Вслед за этим управление Минюста по Пермскому краю провело внеплановую проверку, после чего в апреле 2015 года организацию внесли в список НКО «иностранных агентов».

Юристам центра не удалось отменить решение Минюста в районном суде. В июле 2015 года мировой судья признал виновными организацию и ее руководителя Татьяну Курсину в нарушении порядка деятельности «НКО, выполняющей функции «иностранны-

го агента». Центр оштрафовали на 300 тысяч р., а Татьяну Курсину — на 100 тысяч р. Позже суд подтвердил это решение. Деньги на выплату штрафа собрали по системе краудфандинга (сбор пожертвований через Интернет).

Первой выставкой в «обновленном» музее стала экспозиция о работе тюремщиков, а в апреле на официальном сайте мемориального комплекса появился текст о положительной роли «шарашек» в становлении советской науки. По мнению авторов, секретные НИИ, в которых работали репрессированные, «с точки зрения эффективности себя оправдали»: «Суть этих заведений была в том, что заключенные, отбывающие срок, объединялись для работы над какими-либо научными проектами. Среди заключенных было большое количество выдающихся советских ученых, инженеров, конструкторов, которые в 30-е годы пострадали от политических репрессий. Среди них такие легендарные личности, как Валентин Петрович Глушко и Сергей Павлович Королев. С точки зрения эффективности «шарашки» себя оправдали. Концентрация в одном месте талантливых людей, отсутствие, ввиду их тюремного статуса, возможности для конкуренции за позиции — все это дало блестящие результаты».

Роберт Латыпов, председатель Пермского «Мемориала» прокомментировал финал истории с музеем и поделился своими чувствами по этому поводу. «Мемориал», по его словам, — это организация не о вчерашнем и о сегодняшнем, а, скорее, о завтрашнем дне,

о важных для людей ценностях и приоритетах. Именно об этом рассказывали посетителям музея «Пермь-36» на примере узников соевести, которые пострадали за свои убеждения.

«Нынешний музей, конечно, расскажет вам об истории зоны, о лагерьном учреждении, об условиях содержания. Но ни одной истории политических узников, ради памяти которых и был построен этот музей, вы не услышите. Это не отретушированная, это — кастрированная память, пугало, которым можно пугать детей, — говорит Роберт Латыпов. — Музей создавался не для этого. Он создавался для того, чтобы объяснить людям, что за убеждения надо бороться. Иногда за свои убеждения можно попасть в такие условия. И если не хочешь, чтобы страна повторила мрачное и преступное прошлое, нужно что-то для этого сделать».

Власть, по его мнению, не планировала закрыть музей — чиновники на местах «подстраховались». «Чиновники выбрали самый «приемлемый» вариант: музей продолжит свое существование, но это будет другой музей. Самое главное: о музее как о месте памяти все должно забыться, — замечает Латыпов. — Он должен стать не местом памяти, а местом символического забвения».

Музей в его нынешнем виде, по мнению Роберта Латыпова, в ближайшем будущем закроют. «Обычный краеведческий музей, в который никто не ходит, в котором ничего не происходит, и при этом на его содержание приходится тратить огромные суммы, — отмечает собеседник. — Содержание музея обходилось нам 8–9 миллионов рублей ежегодно».

Любое место памяти будет жить только тогда, когда в нем будут люди. Люди, которым это близко, готовые создавать продукт. Люди остались, рассказал Латыпов. «Вчера мы открыли в краевой библиотеке имени Горького передвижную выставку: «Прикамье: репрессии 1930–1950 годов» Эта выставка была создана сотрудниками музея «Пермь-36». Нет самого музея, нет организации, зато есть ее продукт, который каким-то чудом удалось сохранить. Я себе дал слово, что эта выставка будет работать. Она работает, хотя была создана аж в 1999 году, на ее открытие пришли некоторые бывшие сотрудники музея. Вы бы видели их глаза — они остались верны своей миссии», — сообщил собеседник.

История музея «Пермь-36» продолжается. Латыпов призывает своих коллег и единомышленников написать монографию истинной истории зоны Пермь-36 и музея «Пермь-36».

Елена ХРУСТАЛЕВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Территория бывшего музея — барак-тюрьма с рабочими камерами. Роберт Латыпов.

Фото из архива Пермского «Мемориала»

В помещении «Международного Мемориала» прошла презентация книги «Народничество и народнические партии в истории России в XX веке. Библиографический справочник» в рамках семинара «Левые в России: история и современность». В новое издание вошла полная библиография научных публикаций по теме неонароднической периодики и перечень российских историков, занимающихся исследованием этой темы.

СЛЕДЫ ОГРОМНОГО ДВИЖЕНИЯ

Выступая на презентации, Константин Морозов, заместитель председателя Совета НИПЦ «Мемориал», руководитель программы НИПЦ «Мемориал» «Российские социалисты и анархисты», и один из составителей справочника, отметил, что цели справочника — не только академические, но и просветительские.

«В последние десятилетия происходит угасание интереса к данной проблематике. Освободительное и революционное движение «выбрасывается за борт» или подвергается тенденциозной трактовке. Многие рассматривают неонародничество через призму советских представлений и продолжают говорить то, что говорили 30–50 лет назад. Одновременно появилась и другая тенденция — ругать эсеров за якобы «антигосударственную» или антироссийскую деятельность. Часто это делают люди, не разбирающиеся в проблеме, но с большим публицистическим ражем. Эти две линии буквально хватают за ноги научный подход к неонародничеству. Поэтому одна из главных целей книги — обратить внимание на состояние дел с изучением этой проблематики и дать возможность молодым историкам установить коммуникации между собой, где бы они ни жили», — заявил Морозов. «Сделано немало, но нужно сделать еще больше», — резюмировал он, выразив надежду на то, что размещение справочника в Интернете приведет к тому, что он начнет дополняться новыми сведениями, поправками и пр., что позволит улучшить собранные сведения и базы данных.

Профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета, один из авторов справочника Алексей Суслов рассказал о том, как велась работа по составлению первого за многие десятилетия списка историков, занимающихся неонародничеством. По его словам, сообщество российских историков, занимающихся неонародничеством, насчитывает примерно 80–100 человек. «В основном это люди 30–40 лет, и большинство из них живут и работают в регионах», — отметил Суслов, подчеркнув, что появление подобного списка «нужно, важно и полезно».

ВАЖНО ОПРЕДЕЛИТЬСЯ С ИДЕОЛОГИЧЕСКИМИ ПРЕДШЕСТВЕННИКАМИ

Ряд выступавших отмечали важность появления справочника. Так, ведущий презентацию председатель Правления «Московского Мемориала» Ян Рачинский заявил: «Во-первых, эта книга демонстрирует нам, что была реальная альтернатива и самодержавию, и большевизму, а во-вторых, она показывает, насколько исследована эта тема».

Яна Рачинского поддержал доцент РГГУ, активист социал-демократического движения Павел Кудюкин: «Современному социалистическому движению в России крайне важно определиться с политическими и идеологическими предшественниками. То, что социализм отнюдь не исчерпывается марксизмом, при всей его значимости, — очень важно для российских социалистов», — сказал он.

Профессор социологии Манчестерского университета, президент Московской высшей школы социальных и экономических наук, исследователь истории русского крестьянства Теодор Шанин назвал книгу «модельным справочником, по образцу которого должны строиться остальные», и отметил, что она дает возможность лучше понять историю России начала XX века.

Профессор, главный специалист отдела научно-информационной работы и научно-справочного аппарата Российского государственного архива социально-политической истории Альберт Ненароков заметил, что каждое время требует своих справочников. «В наше время большие масштабы приобрели реконструкции — фамилий, биографий, событий. И потому неудивительно, что появился и справочник подобного же рода», — сказал он. По словам Ненарокова, справочник «Народничество и народнические партии в истории России в XX веке» фактически продолжил работу по изданию документов революционного движения, прерванную в 1930-е годы.

Профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Дмитрий Павлов подчеркнул, что издание справочника — это большой успех на фоне общей бедности справочной литературы по этой тематике.

Саму книгу он охарактеризовал как нужное и полезное издание, отметив, что последние справочники со схожей шириной охвата, когда учитывались не только опубликованные работы, но и авторефераты диссертаций, публиковались в 1930-х годах.

МОМЕНТ, КОГДА МОЖНО И НУЖНО ПИСАТЬ ИСТОРИЮ ЭСЕРОВ

Автор книг и сборников публикаций о лидере эсеров Викторе Чернове доктор исторических наук Анатолий Аврус подчеркнул, что благодаря новому справочнику исследователи получили ясную картину происходящего в их области. «Мы часто не знали, что вышло по той или иной теме, или ломались в открытую дверь. Эта книга помогает понять, кто занимается народнической проблематикой, что опубликовано, где есть лакуны, — так, к примеру, почти нет работ по деятельности эсеров в эмиграции», — сказал он. Аврус также подчеркнул, что, знакомясь с книгой, понял, что именно сейчас настал момент, когда можно и нужно писать многолетнюю историю партии эсеров. «Хотел бы предложить авторам книги возглавить этот процесс, а сама книга стала бы прекрасным дополнением к истории партии эсеров», — заключил он.

Ян Рачинский зачитал текст послания не приехавшего на презентацию исследователя неонародничества из Геттингенского университета Лутца Хефнера. Тот подчеркнул, что издание справочника «открывает новые горизонты в исследовании неонародничества». «Только благодаря ему я узнал о ряде изданий, выходящих в российских регионах, о которых до того не имел никакого представления», — писал Хефнер.

Также в выступлениях подчеркивалось, что презентация справочника в «Мемориале» обусловлена давними традициями изучения судеб людей, которые входили в партии, оппозиционные советскому строю. Константин Морозов отметил, что презентация сборника в стенах «Мемориала» — не случайность, а закономерность: «В «Мемориале» давно существует программа, посвященная судьбе социалистов и анархистов, борющихся с большевистским режимом. Биографические сведения об этих людях выкладываются на сайт <http://socialist.memo.ru/> и туда же я и Алексей Суслов выкладывали первые библиографические справочники. Кроме нас, эти сведения представляли сотрудник НИПЦ «Мемориал» Дмитрий Зубарев, покойный саратовский историк А.Новиков, украинский историк А.Дубовик», — рассказал он.

Константина Морозова поддержал и Альберт Ненароков: «Мемориал» сыграл огромную роль в развитии просопографических исследований¹ — освещении истории через судьбу одного человека. Кроме того, «Мемориал» стал центром ряда совместных проектов — в том числе и с зарубежными исследователями. Поэтому справедливо, что презентация справочника проходит именно здесь», — сказал он.

Впрочем, надо отметить, что в адрес составителей звучали и критические замечания. Так, Лутц Хефнер в своем обращении,

Окончание на с. 4 ➤

На снимке: Теодор Шанин, Константин Морозов и Ян Рачинский. Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

1. Просопография — историческая дисциплина, изучающая биографии исторических лиц, относящихся к определенной эпохе или местности, имевших общие политические, социальные или этнические черты. — Примеч. «30 октября».

АВГУСТ 1968 ГОДА НА КАРТЕ «ТОПОГРАФИЯ ТЕРРОРА»

В предыдущих номерах газета «30 октября» писала о новом развивающемся интернет-проекте «Международно-го Мемориала» — toros.memo.ru «Москва. Топография террора». В августе 2016 года появился новый слой — тематический раздел, посвященный демонстрации протеста против вторжения в Чехословакию 25 августа 1968 года. О том, почему была выбрана именно эта дата и чем объясняется выбор тех или иных объектов для этого слоя, газете рассказал сотрудник архива «Мемориала» и член команды «Топография террора» Алексей Макаров.

25 августа 1968 года — воскресный день, когда 8 человек вышли на Красную площадь выразить протест против ввода 21 августа 1968 года в Чехословакию советских войск и поддержать реформы «Пражской весны». Среди протестных акций, связанных с введением войск, московская демонстрация 25 августа стала самой известной. Ее участниками были: Лариса Богораз, Константин Бабицкий, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Виктор Файнберг, Павел Литвинов и Татьяна Баева.

Этот слой посвящен локальному и, на первый взгляд, небольшому событию. Однако именно оно позволяет увидеть 1968 год, как переломный момент — момент крушения надежд на реформу строя и кристаллизации правозащитного движения. Кроме того, это событие рельефно отражает многообразие общественных настроений и эмоций, которым население страны реагировало на чехословацкий кризис и его силовое решение. В то время как на первых страницах советских газет «советское общество» представлялось как монолитное, демонстрирующее безоговорочную поддержку действий советского руководства, события августа-октября в Москве показывают совершенно другую, более сложную картину.

1968 год в Восточном блоке — это «Пражская весна», то есть постепенная либерализация и поворот к «социализму с человеческим лицом», общественный подъем, а затем ее подавление с помощью военных. Этот год определил не только судьбу Чехословакии на последующие 20 лет, но и логику развития советского режима. Решался вопрос о том, как далеко могут пойти реформы. После 1968 года стало очевидным, что существующий режим не реформируем.

ЛЕФОРТОВСКАЯ ТЮРЬМА

С конца августа до начала декабря 1968 года в следственном изоляторе КГБ содержались шестеро участников демонстрации на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию: Виктор Файнберг, Лариса Богораз, Вадим Делоне, Павел Литвинов, Константин Бабицкий и Владимир Дремлюга.

В МОСКВЕ НА БОЛЬШОЙ ПОЛЯНКЕ, Д. 11/14
ЖИЛ АЛЕКСАНДР ГИНЗБУРГ

На квартире известного правозащитника Александра Гинзбурга, который в это время отбывал срок в мордовском Дубравлаге, Наталья Горбаневская познакомилась с Ларисой Богораз, Анатолием Марченко, Павлом Литвиновым. Здесь же Горбаневская узнала от Богораз о готовящейся демонстрации.

— Почему выбрана дата 25 августа — как начало диссидентского движения или просто это дата важного события?

— 25 августа 1968 года, конечно, одна из самых важных хронологических и смысловых точек диссидентского движения. История о нескольких людях, которые вышли в самый центр страны для того, чтобы сохранить самоуважение и потом сесть в тюрьму, несомненно, была достойна отдельного слоя, хотя у нас есть слой «Места протестов», где эта демонстрация тоже описывалась.

— Какой период включает этот слой и почему были выбраны именно эти временные рамки?

— Мы хотели рассказать не только о самой демонстрации, но и том, как она готовилась. Когда и где люди узнали о вторжении советских войск в Чехословакию, о планирующейся демонстрации. С другой стороны, нам важно было показать, что произошло с протестующими потом. Конечно, мы все-таки ограничивали хронологические рамки и не брали, например, квартиру, где подписывали обращение Московской Хельсинкской группы к 10-летию подавления Пражской весны.

— Почему выбирались те или иные точки для слоя «Топография террора» — к примеру ряд квартир, вокзалы, учебные заведения?

— При формировании списка точек мы хотели найти, во-первых, все точки, из которых участники демонстрации отправились утром на площадь, т.е. квартиры, где они жили или остановились (в случае Виктора Файнберга, он был из Ленинграда). Во-вторых, места репрессий, связанные с делом участников демонстрации, — отделения милиции, СИЗО, вокзалы, с которых люди отправи-

Охранники в штатском с грязными погромными выкриками бросились на демонстрантов, некоторых избili и всех затолкали в мивину. Затем — Лефортовская тюрьма, следствие и снова демонстранты предстанут перед судом по обвинению в "групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок", за исключением Горбаневской и Файнберга, которых властям угодно считать невменяемыми.

О демонстрации узнали все, кто хотел знать правду в нашей стране, узнал народ Чехословакии; узнало все человечество. Если Герцен сто лет назад, выступив из Лондона в защиту польской свободы и против ее великодержавных душителей, один спас честь русской демократии, то семеро демонстрантов безусловно спасли честь советского народа. Значение демонстрации 25 августа невозможно переоценить.

АНАТОЛИЙ ЯКОБСОН (1935–1978 гг.) — поэт, переводчик, литературовед, правозащитный и общественный деятель.

Открытое письмо Анатолия Якобсона, появившееся в самиздате в сентябре 1968-го года сыграло ключевую роль в осмыслении демонстрации. В то время как большинством «сочувствующих» демонстрантам их действия оценивались скорее как нецелесообразные и как «самосажание», Якобсон предложил совершенно другую концепцию протеста.

лись в лагеря и ссылки. В-третьих, места, связанные с другими протестами против вторжения советских войск в Чехословакию, — как различные места протестов, так и организации, в которых на собраниях были люди, проголосовавшие против соответствующей одобряющей резолюции.

— Что из описанного в слое актуально сейчас?

— Естественно, по-прежнему актуальна Красная площадь как место протестов; в здании на Лубянке по-прежнему сидят спецслужбы, а в СИЗО — политзаключенные. Текст Анатолия Якобсона не утратил и сейчас свою силу, этот текст принадлежит не исторической публицистике, а текущему политическому процессу.

Окончание на с. 9

Фрагмент письма Анатолия Якобсона и фотографии из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

НА НОВОПЕЧАНОЙ УЛИЦЕ, Д. 13/3
ЖИЛА НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

Наталья Евгеньевна Горбаневская (1936–2013 гг.) — поэт, переводчик и правозащитница. Наталья Горбаневская подготовила документальный сборник о демонстрации 1968 года — книгу «Полдень» (1969 г.). Также она известна как основатель и первый главный редактор бюллетеня «Хроника текущих событий».

В 1953 году Горбаневская поступила на филологический факультет Московского государственного университета, откуда ее дважды исключали. В 1957 году она была привлечена в качестве свидетеля по делу о распространении листовок в связи с событиями в Венгрии. С 1959 года она публиковала стихи в Самиздате, в том числе в альманахе «Феникс». В 1967 году Горбаневская участвовала в петиционной кампании против «процесса четырех». В феврале 1968 года она впервые подверглась принудительной госпитализации и была на короткий срок помещена в психиатрическую больницу им. Кащенко, о чем позже написала очерк «Бесплатная медицинская помощь».

С начала 1968 года под ее редакцией вышли первые 10 выпусков «Хроники текущих событий». Поскольку Горбаневская читала по-чешски, она сообщила всем своим друзьям и знакомым последние новости из газет «Руде право» и «Литерарни листы». Как пишет она в предисловии к изданию «Полдня» в 2007 году, твердое решение выйти на демонстрацию протеста возникло у нее сразу же, как она узнала о вводе войск в Чехословакию. О демонстрации она узнала от Ларисы Богораз.

В 1970 году в Институте судебной психиатрии им. Сербского ей был поставлен диагноз «вялотекущая шизофрения», и она была отправлена на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа.

В 1972 году Горбаневская вышла на свободу. С 1975 года Горбаневская жила в эмиграции во Франции. Она — автор более 20 сборников поэзии. Умерла в Париже.

Горбаневская очень хорошо известна как правозащитник (вероятно, она самая известная из демонстрантов 25 августа — не в последнюю очередь благодаря составленной ею книге) и гораздо менее известна как поэт.

Охранники в штатском с грязными погромными выкриками бросились на демонстрантов, некоторых избili и всех затолкали в мивину. Затем — Лефортовская тюрьма, следствие и снова демонстранты предстанут перед судом по обвинению в "групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок", за исключением Горбаневской и Файнберга, которых властям угодно считать невменяемыми.

АНАТОЛИЙ ЯКОБСОН (1935–1978 гг.) — поэт, переводчик, литературовед, правозащитный и общественный деятель.

Открытое письмо Анатолия Якобсона, появившееся в самиздате в сентябре 1968-го года сыграло ключевую роль в осмыслении демонстрации. В то время как большинством «сочувствующих» демонстрантам их действия оценивались скорее как нецелесообразные и как «самосажание», Якобсон предложил совершенно другую концепцию протеста.

НА УЛИЦЕ АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО,
Д. 8 ЖИЛ ПАВЕЛ ЛИТВИНОВ

Павел Михайлович Литвинов (р. 1940 г.) — участник демонстрации на Красной площади, физик, автор и редактор Самиздата: «Правосудие или расправа?» о демонстрации на Пушкинской площади (1967 г.) и «Процесс четырех» (1968 г.). Павел Литвинов участвовал в сборе информации для «Хроники текущих событий».

В январе 1968 года Лариса Богораз и Павел Литвинов составили «Обращение к мировой общественности» по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, которое в тот же день было зачитано на Биби-си на русском и английском языках. В том же месяце Литвинов получил письмо от советских школьников, в котором они благодарили его за участие в правозащитной деятельности.

ОВД-ИНФО НУЖДАЕТСЯ В ПОДДЕРЖКЕ

➤ Окончание. Начало на с. 1

ситуацию к лучшему в будущем», — считают в ОВД-Инфо.

В рамках сотрудничества с «Мемориалом» в разное время отдельные наши проекты реализовывались при поддержке Европейской комиссии, Фонда имени Генриха Белля, посольства Франции.

«С определенного момента ОВД-Инфо стал следить не только за нарушениями свободы собраний и административными делами, но и за другими видами политических преследований — политически мотивированными уголовными делами, внесудебными преследованиями», — рассказал «30 октября» о деятельности ОВД-Инфо Григорий Дурново, один из организаторов проекта.

В интервью на Радио «Свобода» Дурново пояснил, что что сам термин «политзаключенные» овеян неким ореолом. «Мы стараемся от этого термина чаще отходить и говорить, что есть политическое преследование, и в этом смысле совершенно не важно, какие у человека ценности, если он сам не совершал насилия, не призывал к нему, он может быть нам не близок идеологически, но важно, что нарушаются его законные права — на отстаивание собственного мнения, или право на выход на улицу, или мы усматриваем какой-то политический мотив, и это гораздо важнее того, что это за человек».

Начиная кампанию по сбору средств, Григорий Охотин написал на своей странице в Facebook: «ОВД-Инфо появилось из-за друзей и для друзей, потому что проблема задержаний стала касаться лично меня и моих друзей. В силу правильно найденной модели ОВД-Инфо оказалось актуальным для всех выходящих на улицу, а поскольку много задерживали т.н. «креативный класс», то эта актуальность была сильно медийно раздута. Времена те давно прошли, и «креативный класс» в нашу ленту новостей практически не попадает. Актуальность ОВД-Инфо в соответствующей социальной группе пошла на нет — мы теперь занимаемся «маргинальной проблемой», ведь в России никто не протестует, а в Москве никого не задерживают. Эта же оценка — «никто в России не протестует, все всех поддерживают» — возобладала в СМИ и общественном сознании.

Все это, конечно же, не так, и это история не про ОВД-Инфо, а про (не)восприятие той реальности, которая есть, но к которой ты лично не имеешь прямого отношения. У нас не удастся не воспринимать текущую реальность по очень простой причине: она очень лично касается наших ушей. Задержанные как начали звонить нам на горячую линию 10 декабря 2011 года, так и звонят на нее 10 июля 2016 года — более или менее каждый день. Просто звонят другие люди, с другими проблемами, не менее важными и протестными, чем политические мотивы протестующих в 2011–2012 годах».

ОВД-Инфо старается показать, что в действительности сейчас происходит на «протестных улицах», кто в Москве сейчас за что борется и почему их задерживают, — пишет Охотин. «Иначе говоря, мы, без ложной скромности, пытаемся объяснить тем, кого сегодня не задерживают, почему мы, ОВД-Инфо, все еще актуальны и нужны».

Я познакомилась с Маргрет Крам на очередной встрече немецких мемориальцев в Берлине где-то в начале нулевых годов. Это было во время подготовки ежегодных благотворительных концертов музыкального ансамбля из Санкт-Петербурга в местной лютеранской общине, которые она организовывала в пользу питерского «Мемориала». Во встрече тогда принял участие и Владимир Эдуардович Шнитке. Встреча состоялась у нас, в нашем берлинском бюро, которое находилось довольно далеко от ее дома, и я очень удивилась, когда увидела, что Маргрет туда приехала на велосипеде. Мы, как обычно, обсуждали и проблемы российских мемориальных отделений. При знакомстве сразу бросилось в глаза, насколько Маргрет Крам была вовлечена в работу и проблемы именно Санкт-Петербургского «Мемориала», вернее, обоих в то время существовавших отделений.

Что до концертов, то они впервые были организованы «Акцией исполнения» еще в 1990 году. Помогали немецкие евангелический учебный центр и евангелические общины, члены которых и познакомили Владимира Шнитке и музыкантов с Маргрет Крам. Она взяла организацию их концертов в Берлине на себя. Когда некоторое время спустя, в 1993 году, было создано немецкое общество «Мемориал», благотворительные концерты стали одной из его первых и главных задач. Маргрет Крам занималась этим до последнего дня.

Самое главное для нее было — поддержка жертв политических репрессий в Санкт-Петербурге в рамках социальных программ «Мемориала», она активно их лоббировала, в положительном смысле этого слова. Наши общие собрания проходили у Маргрет дома и, когда позволяла погода, в ее саду. Она постоянно и настойчиво требовала, чтобы мы не теряли из виду основную задачу — искать способы и средства помощи бывшим узникам ГУЛАГа — и прилагали к этому все возможные усилия.

Ближе с ней я познакомилась, когда мы, мемориальцы из Берлина, проводили выходные за городом и обсуждали предстоящие проекты (мы в это время работали над веб-сайтом о ГУЛАГе — www.gulag.memoial.de). В личной беседе она совсем немного рассказала о себе. До пенсии она преподавала в гимназии, потом в вечерней школе в Западном Берлине. После выхода

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СЛЕДЫ ОГРОМНОГО ДВИЖЕНИЯ

➤ Окончание. Начало на с. 2

зачитанном Яном Рачинским, отмечал, что, по его мнению, более удобной формой публикации справочника стало бы интернет-издание, имеющее возможность пери-

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О МАРГРЕТ КРАМ

(29 ноября 1929 г. — 9 сентября 2016 г.)

ВЛАДИМИР ШНИТКЕ: Маргрет Крам была нашим лучшим другом в Германии. Ее помощь Санкт-Петербургскому «Мемориалу» была колоссальной. В 1993–1997 годах в стране был страшный дефицит лекарств, старики просто умирали из-за отсутствия необходимых медикаментов. Маргрет тогда взяла на себя координацию работ по сбору лекарств в Берлине и их отправку с туристическими группами. Это спасло много жизней, на самом деле. Когда мы уже стали ездить в Германию с благотворительными концертами, она взяла на себя огромный труд по их организации. Она делала всю подготовительную работу и мы приезжали на все время концертов. Кормила и поила их в течение двух-трех недель, пока они выступали.

на пенсию много лет проработала в «Мемориале» как волонтер.

Только в последнее время я узнала что-то о семье Маргрет. Выйдя из дома, я увидела скульптуру в виде книги. Я спросила у Маргрет, как эта скульптура связана с ней, что она означает. Оказалось, что Маргрет была из семьи издателей. Ее отец — один из самых известных издателей научной философской литературы (издательство De Gruyter).

Она интересовалась русской историей и вообще ситуацией в Советском Союзе и, естественно, изучала язык. Выяснилось, что она посещала те же семинары русского языка, что и я, но только в другие годы. Это были двух- или трехнедельные курсы русского языка, организованные правозащитниками — «диссидентами» из Советского Союза, попавшими в эмиграцию в страны Западной Европы, США или Израиль. Такие семинары и встречи были попытками диссидентов бороться с советской пропагандой. Дело в том, что до начала 1990-х годов в университетах — не во всех, но во многих — работали преподаватели русского языка из СССР, которые придерживались официальных советских взглядов и пытались распротестовать советскую точку зрения среди студентов-славистов. В первый раз такой се-

минар прошел в 1979 году на юго-западе Германии, потом они проходили регулярно в летний период — до начала 1990-х годов.

Маргрет Крам всегда следила за событиями в России и в других странах бывшего СССР. У нее было множество знакомых — она была очень гостеприимная. Маргрет сдавала комнаты в доме, и у нее жили студенты из разных стран, в том числе из Белоруссии, Молдавии, Мексики. Она приглашала друзей и знакомых и устраивала «домашние концерты» классической музыки. Часто проводила в доме мемориальские общие собрания и дискуссионные встречи. Гостей приходило много — 20, 30 и больше, — и студенты, жившие у Маргрет в доме, помогали ей накрывать на стол. Я не раз просила ее помочь и, по возможности, пригласить коллегу из России. Она никогда не отказывала. Но пользовалась случаем и подробно расспрашивала гостя о ситуации в России, о политических перспективах, настроении, обо всем.

Вообще-то она и так была всегда в курсе событий — постоянно распечатывала и читала обширные и сложные аналитические материалы из Интернета, и, как правило, это были тексты на русском. И что удивительно, — читала она на бегу. У нее была привычка не только ездить на велосипеде по Берлину, но

и бегать в районе дома. И именно тогда — может, чтобы время не тратять, — она читала политические анализы.

Это не было зря. Ведь она принимала участие фактически во всех наших публичных мероприятиях и, всегда будучи в курсе дел, активно вступала в острые дискуссии. Она умела вовлечь в беседу тех, кто явно был не на «нашей» стороне. Конечно, ей не удавалось их переубедить, но таким образом получались очень интересные дискуссии.

Последний раз я видела Маргрет Крам в конце июня этого года на очередном общем собрании «Мемориала». Все было как всегда, мы сидели у нее в саду и в доме, она рассказывала о планируемой в 2017 году серии концертов. Я никак не могла подумать, что это последняя встреча с ней и больше ее не увижу.

Вера АММЕР,
Берлин

На снимке: Владимир Шнитке и Маргрет Крам в 2003 г.
Фото из личного архива Владимира Шнитке

одически дополняться и обновляться, в то время как бумажная монография фиксирует лишь уровень знания о проблеме на определенный момент. Теодор Шанин в своем выступлении подчеркнул, что, по его мнению, справочнику не хватает хорошей вводной статьи, где анализировалось бы место неонародничества в политической жизни России и русской революции 1905–1907 годов. В ответ на это Константин Морозов заявил, что вопрос осмысления того, что такое «народничество» и «неонародничество» стоит чрезвычайно остро и в настоящий момент работ, которые показывали бы позицию неонароднических организаций в целом, не существует — есть лишь публикации, посвященные отдельным партиям.

ОГРОМНОЕ ДВИЖЕНИЕ С ПЛОХОЙ СОХРАННОСТЬЮ ДОКУМЕНТОВ

Ряд выступавших отмечали, что в справочнике отсутствуют те или иные газеты, журналы, мемуары членов неонароднических пар-

тий. Отвечая на это, Константин Морозов подчеркнул, что во многом это связано с тем, что справочник — «первая ласточка». «Это не свой карман, который можно быстро изучить. Не забывайте, речь идет об огромном движении с очень плохой сохранностью документов — особенно в период Гражданской войны», — сказал он.

«Еще одна причина неполноты справочника — насильственное прерывание памяти о неонародниках и сосредоточение материалов о них в закрытых архивах, прежде всего — в архиве ФСБ. К примеру, членов ЦК ПСР 1918–1919 годов я впервые увидел в альбоме, подготовленном ГПУ к процессу 1922 года. До этого их изображений не было даже в таком передовом для своего времени издании, как энциклопедия «Политические партии России». Эта тема не исследовалась десятилетиями, были уничтожены все носители информации, а многие материалы лежат в архиве ФСБ. И ведь, по большому счету, мы не знаем, что там лежит, — они не выдают описей, ссылаясь на секретность. Мы не знаем, где

письма, дневники, мемуары этих людей, которые забирались при обысках и арестах. Что-то в архивно-следственных делах — но где эти дела? Часть из них, и немалая, осталась в Казахстане и Узбекистане, и сейчас эти дела для нас недоступны», — подчеркнул Константин Морозов. Отвечая на призывы «не пресмыкаться перед ФСБ», которые звучали на презентации, он подчеркнул, что без данных этих архивов полноценное исследование темы неонародничества невозможно. «Чтобы полностью представить эту тему, нужно раскрытие архивов ФСБ, ведь сейчас мы знаем в лучшем случае 1% материалов, хранящихся в этих архивах. Без этих сотен тысяч листов доскональное исследование этой темы невозможно», — заключил историк.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Фрагмент обложки справочника

25 лет назад, 19–21 августа 1991 года, в Москве произошла попытка государственного переворота. Тогда группа высших должностных лиц СССР, выступивших против проводимых президентом Михаилом Горбачевым реформ, отстранила его от власти на 3 дня, изолировав в резиденции в Крыму, чтобы сорвать процесс подписания нового союзного договора.

ЧУВСТВО ОБЩЕЙ СВОБОДЫ – 1991 ГОД

19 августа было официально объявлено о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), в состав которого вошли вице-президент СССР Геннадий Янаев, премьер-министр Валентин Павлов, заместитель председателя Совета обороны при президенте СССР Олег Бакланов, министр внутренних дел Борис Пугачев, министр обороны Дмитрий Язов, председатель КГБ Владимир Крючков и другие. ГКЧП провозгласил себя органом «для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения», решения которого обязательны для исполнения на всей территории СССР.

За день до подписания нового союзного договора СМИ передали «Заявление советского руководства», гласившее, что «в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей президента СССР», в соответствии со статьей 127.7 Конституции СССР полномочия президента Союза ССР переходят к вице-президенту Геннадию Янаеву. Более того, вводится чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года, а для управления страной образован Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР).

Постановление ГКЧП № 1 предписывало приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки; запретить проведение митингов, улич-

ных шествий, демонстраций и забастовок.

Постановление № 2 запретило выпуск всех газет, кроме следующих: «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Московская правда», «Ленинское знамя», «Сельская жизнь». Прекратили вещание практически все программы телевидения.

Президент СССР Михаил Горбачев, в это время находившийся на отдыхе в Крыму, был изолирован на правительственной даче в Форосе. В столицу были введены войска.

Ответом на создание ГКЧП стали массовые демонстрации и митинги протеста в Москве, Ленинграде и ряде других городов страны. Во главе сопротивления действовали ГКЧП встали президент РСФСР Борис Ельцин и другие руководители Российской Федерации. Указами Ельцина создание ГКЧП было квалифицировано как попытка государственного переворота.

В итоге 22 августа 1991 года ГКЧП объявил о самороспуске. 23 августа указом Ельцина была приостановлена деятельность коммунистической партии на территории РСФСР (запрещена 6 ноября). 24 августа Горбачев объявил об уходе с поста генерального секретаря ЦК КПСС, вышел из партии и обратился к членам ЦК с призывом о самороспуске.

Спустя 25 лет, в августе 2016 года, по оценке «Левада-центра», только половина россиян знает или помнит о событиях августа 1991 года. Из тех, кто помнит, 35% расценивают эти события как эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны, 30%

считают их трагическим событием, имевшим губительные последствия для страны, а 8% – победой демократической революции, покончившей с властью КПСС. 27% затруднились ответить на вопрос. Если бы попытка возвращения к советским порядкам произошла сегодня, то защищать российскую демократию вышли бы только 16% россиян. 44% никуда бы не пошли, а 41% не смог определиться.

В августовские дни в Москве и ряде других городов прошли мероприятия, посвященные неудавшемуся путчу. 20 августа вечером прошла панихида памяти погибших защитников Белого дома. Под мостом на пересечении Нового Арбата и Садового кольца были возложены цветы к обновленной доске в память о трех участниках защиты Белого дома, погибших в дни путча. В Сахаровском центре прошла конференция «25 лет победы народа над ГКЧП».

В Центре социально-политической истории открылась выставка «Август 1991: Герои и символы» и прошел «круглый стол», посвященный 25-летию событий августа 1991 года. На открытии экспозиции выступили заведующая ЦСПИ Елена Струкова, заведующий библиотекой «Мемориала» Борис Беленкин и главный редактор журнала «Посев» Юрий Цурганов. На выставке представлены фотографии, плакаты и артефакты эпохи – старые фотоаппараты, видеокассеты, гуманитарная помощь, продовольственные карточки, «визитки покупателя» и т.д.

Участникам «круглого стола» были предложены такие темы

для дискуссии: «Перемена участи» героев и символов эпохи 1991–2016 годов» и «Московское пространство протеста в августовские дни (люди, лозунги, топография)». Ведущий дискуссии Михаил Афанасьев, директор ГПИБ России, обозначая взаимосвязи исторических событий, отметил, что встреча важна не только как воспоминание об августе 1991 года, но и сама по себе, как исторический факт для будущих историков: то, как вспоминают и отмечают на сегодняшний день события 25-летней давности, не менее важно.

Валерий Меньшиков, народный депутат РСФСР в 1990–1993 годах, отметил важность сохранения памяти о том времени и поделился воспоминаниями, где он находился и чем занимался в те дни.

Ирина Боганцева, народный депутат Моссовета в 1990–1991 годах, вспомнила об обороне Белого дома. Она особо отметила атмосферу времени: чувство общей свободы и ответственности за будущее, собственную инициативу народа.

Алексей Литвин, заведующий архивом и библиотекой Горбачев-Фонда, по поводу событий августа 1991 года отметил, что все протоколы допросов лидеров ГКЧП (Крючков, Язов, Павлов и т.д.) опубликованы и есть в свободном доступе. И многие вопросы, догадки и теории решаются через изучение этих документов.

Юрий Станиславович Цурганов рассказал о новом выпуске журнала «Посев», который будет посвящен ГКЧП.

Михаил Дмитриевич Афанасьев, заметил, что мы сейчас еще вос-

принимаем те события не как ученые. Для ученого важна дистанция между ним и изучаемым объектом или событием, а эмоциональная вовлеченность людей играет с ними «злую шутку».

В рамках мероприятия была представлена книга «Музей 90-х» издательства «Новое литературное обозрение». Издание составила составитель, руководитель информационного отдела фонда Егора Гайдара Катерина Беленкина (дочь Бориса Беленкина, заведующего библиотекой «Мемориала»). Эта книга – новый формат проекта «Музей 90-х», который существовал на интернет-портале Colta.ru. Книга, говорится в аннотации, – это попытка привлечь общество к разговору о 90-х, попытка дистанцироваться от времени и говорить о нем более свободно.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Защитники Белого дома. Фрагменты экспозиции выставки. Один из главных моментов подавления путча – 22 августа скинут памятник Дзержинскому на Лубянской площади. Обложка книги «Музей 90-х. Территория свободы». Борис Беленкин и Елена Струкова на вернисаже. Фото их архивов «Мемориала», Горбачев-Фонда, Центра социально-политической истории

1. Опрос проведен 22–25 июля 2016 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны.

➤ Окончание. Начало на с. 1

ВСПОМИНАЯ САНДАРМОХ

фессор Ленинградского технологического института Леонид Фокин. Это только маленькая часть огромного списка убитых, приведенная на официальном Интернет-портале Республики Карелия.

Расстрелы проводились тайно, и впервые эти расстрельные ямы были обнаружены в июле 1997 года экспедицией Петрозаводского и Санкт-Петербургского «Мемориала» под руководством Юрия Дмитриева.

Председатель Карельского отделения «Мемориала» Юрий Дмитриев рассказал корреспонденту «30 октября»: «Недалеко от карьера я обратил внимание на многочисленные неглубокие провалы почвы вдоль лесной дороги, в которых угадывались правильные геометрические очертания. Сильно оплывшие края скрадывали истинные размеры квадратных и прямоугольных ям. Быстренько пробежался по лесу, пытаюсь сосчитать ямы. На шестом десятке сбился и понял, что центр поиска надо перенести сюда.

Вместе с сопровождавшим офицером вернулись к карьере, взяли четверых солдат с лопатами и миноискателем. Я проверил ямы и подступы к ним миноискателем. Мало ли что — была война... Приступили к пробному шурфованию. Копать было относительно легко, песочек меленький. Даже копать глубоко не надо — расстреливали, как правило, в безлюдном лесу, и кости часто были просто припорошены землей.

Вскоре были обнаружены костные останки. В каждой яме были осмотрены по несколько черепов. По характерным пулевым отверстиям в затылочной части черепа было видно, что все эти люди умерли в результате насильственной смерти...

...В присутствии районного прокурора, представителя ФСБ и местной администрации из захоронений были извлечены и представлены для фото- и видеозаписи человеческие останки с однотипными пулевыми ранениями в голову, были переданы официально заверенные выписки из уголовного дела, хранящегося в УФСБ по Республике Карелия, со свидетельскими показаниями о примерном месте расстрела, с описанием подготовки людей к казни. Они были раздеты до белья, руки и ноги были связаны».

С тех пор ведется кропотливая работа по восстановлению имен погибших. По инициативе Юрия Дмитриева на месте расстрелов национальные сообщества поставили памятники своим соплеменникам: это русские и карелы, финны и поляки, вайнахи и эстонцы, евреи и украинцы, латыши и многие другие.

Из рассказа Юрия Дмитриева «30 октября»: «Расстреливали цвет инженерной мысли России. Врачи, писатели, поэты были страшны коммунистическому режиму тем, что знали и могли объяснить, почему «неграмотная кухарка» должна быть на кухне, а не управлять государством. Для того чтобы безраздельно властвовать в стране, необходимо было в самые сжатые сроки искоренить не только людей, способных иметь свое собственное, отличное от официоза, мнение, но и дать понять, что сами воспоминания об этих людях — крамола, караемая смерть». (Оборот про «неграмотную кухарку» отсылает к статье Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» — Примеч. «30 октября».)

Отдельный разговор о священнослужителях. Поскольку практически все религии мира проповедуют добро, любовь, то это как раз и не устраивало большевиков, противоречило их сущности — «сначала весь мир раз-

рушим, а затем, может быть, что-нибудь там построим». Поэтому и устроили большевики на них гонение. Не убий, не укради, не свидетельствуй ложно, почитай отца и мать — все, чем дорожат цивилизованные люди во всем мире, большевиков не устраивало...

«ТЫ НЕ УМЕРЛА, МАМА, ТЕБЯ РАССТРЕЛЯЛИ...»

...На День памяти здесь очень многолюдно. Проходит траурный митинг, звучат выступления руководителей общественных организаций и иностранных консулов, священнослужители разных конфессий проводят поминальные службы, у всех в руках цветы и зажженные свечи...

Цветов здесь много — у каждого памятник и поминального столба. Листки с портретами расстрелянных висят прямо на деревьях в прозрачных файлах-вкладышах. Выцветшие, с потеками от воды, с искусственными цветами. Кто где лежит, неизвестно, поэтому места для установки поминальных столбов выбирают произвольно.

На некоторых крестах нет никаких имен, на других — таблички, которые прикрепили родственники. Каждый имеет право таким образом увековечить имя своего родного человека, зная, что он расстрелян и зарыт здесь. Читаешь таблички — и жутко: в основном молодые люди, не старше сорока лет, крестьяне, рабочие, с обычными лицами. Все они были объявлены врагами народа и шпионами. Один крест привлекает больше других. На нем — 2 портрета одной и той же женщины. Лидия Миккола, родившаяся в 1904 году, погибшая в 1938 году. Простое и отчего-то грустное лицо, исполненное достоинства. Но главное — к кресту прикреплен заламинированный лист бумаги, исписанный от руки. Текст читается четко, и от него мурашки по коже: «Прости, что я пишу тебе по-русски, я пока не смогу написать по-фински. Но хочу рассказать, как я тебя искала, помнила. Я писала в НКВД, и мне сообщили, что ты умерла. Я нарисовала наше село, послала в Карелию и узнала, что мы жили в Интерпоселке, я хотела найти родственников. Я съездила туда, родственников не нашла. Я писала в НКВД, и тебя реабилитировали. Мы с дочерью ездили в те места, где ты росла, жила. Я узнала, что ты не умерла, тебя расстреляли 3 октября 1938 года...»

Это письмо взрослой дочери своей мертвой матери. Мирья Миккола была 5-летним ребенком, когда забрали Лидию, поэтому она забыла финский язык, живя в детском доме. Они жили под Олонцом, Лидия работала лесорубом, как и прочие обитатели поселка, — финские переселенцы. В 1930-е годы, когда разразился мировой экономический кризис, многие этнические финны бежали от голода в соседнюю Карелию. Существовала государственная программа переселения: советское правительство обещало финнам, в том числе и жившим тогда в США, работу, жилье и социальные льготы. Голодные люди поверили и поехали. Поначалу все складывалось неплохо: они действительно получили работу — в основном на лесоповалах. Правда, с бытом было неважно, но люди считали, что они обживутся и все наладят. Почти все эти переселенцы через несколько лет сгинули в сталинских лагерях или были сразу расстреляны как финские шпионы. У Лидии Микколы было 4 класса образования. Мирья сейчас живет в Финляндии, но каждый год приезжает на то место, где оборвалась жизнь ее матери. Встречается здесь с такими же, как она, сирот-

тами — детьми врагов народа. И все они очень благодарны Юрию Дмитриеву, который нашел место гибели их родителей и не дает угаснуть мемориалу. Если бы не он, здесь давно построили бы какую-нибудь базу отдыха.

ЧИНОВНИКИ И СВЯЩЕННИКИ ПРОИГНОРИРОВАЛИ ДЕНЬ ПАМЯТИ

В этом году в составе группы «Мемориала» было 50 человек. Помимо членов Петербургского общества «Мемориал», в памятных мероприятиях приняли участие потомки соловецких заключенных Александра Мейера и Веры Штейн; журналисты, активисты и исследователи из Петербурга, Москвы, Варшавы, Вашингтона; группа польских и российских школьников с преподавателями.

Традиционно в международных Днях памяти в Сандармохе приняли участие представители дипломатического корпуса — генеральный консул Республики Польша в Петербурге Анджей Ходкевич, директор Польского института в Петербурге Наталья Брыжко-Запур, генеральный консул Украины в Петербурге Леся Лозинская, консул по вопросам политики и экономики Генерального консульства США в Петербурге Сара Лонгбрейк.

Впервые за 19 лет с момента открытия мемориального кладбища «Сандармох» ежегодная памятная церемония 5 августа была проигнорирована официальными российскими властями всех уровней. Не было в Сандармохе и представителей Русской православной церкви, ежегодно до этого проводившей крестный ход. Людей, посетивших Сандармох 5 августа 2016 года, было значительно меньше, чем в прошлые годы.

Гражданский митинг на мемориальной площадке кладбища «Сандармох» провели Юрий Дмитриев и Ирина Флиге из Петербургского «Мемориала», — рассказывает сайт «Когита!ру», ссылаясь на сайт Фонда Иофе, где есть видеозаписи мероприятий на Днях памяти.

Ирина Флиге считает, что в этом году наши дни памяти — это гражданская акция памяти. «Вы видите, в ней не приняли участия ни представители администрации российских властей всех уровней, в ней не приняла участия и официальная российская церковь, Русская православная церковь — это первый год, когда нет крестного хода. Мы все разные, мы приехали из разных городов, из разных стран, и нам важно приезжать сюда каждый год».

На митинге выступали родственники людей, расстрелянных в Сандармохе, представителей национальных сообществ. После митинга участники отправились к местам памяти на территории мемориального кладбища (в Сандармохе на сегодняшний день более 350 личных памятных знаков и более 20 коллективных). Сотрудники «Мемориала» зафиксировали новые памятные знаки — с апреля 2016 года в Сандармохе появилось 8 новых табличек, записали рассказы тех, кто их установил. Один из участников петербургской группы прикрепил на дереве табличку памяти семи анархистов, заключенных Соловецкой тюрьмы, расстрелянных в Сандармохе 2–3 ноября 1937 года (на фото).

На снимках: Памятник жертвам расстрелов на Сандармохе. Участник петербургской группы Дмитрий Иванов крепит на дереве табличку памяти семи анархистов, заключенных Соловецкой тюрьмы, расстрелянных в Сандармохе 2–3 ноября 1937 г.

Фото Надежды Киселевой

ДЕНЬ ПАМЯТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Вечером 5 августа в Медвежьегорской гостинице «Онежская» состоялась презентация сайта, посвященного мемориальному кладбищу «Сандармох». На сайте представлены описания и координаты памятных знаков мемориального кладбища, биографии расстрелянных и статьи об истории места памяти. Сайт находится в разработке и будет представлен позже в Петербурге.

6 августа группа Петербургского «Мемориала» на Соловецкие острова, где Дни памяти прошли в 28-й раз. Второй год в августовских Днях памяти не принимают участие администрация поселка Соловецкий и Соловецкий государственный музей-заповедник (из-за разногласий, связанных с установкой памятника в Савватьево в 2013 году). О пре-

Татьяна Фокина, директор Соловецкого музея-заповедника в 1997–2000 годах: «В музее от Дней памяти остались лишь конференции, на которых говорится в основном о тех православных религиозных деятелях, которые находились в лагере. Надо сказать, что много информации интересной, но это не значит, что нужно исключать другую. Те люди, которые решили сейчас продолжать Дни памяти, должны это продвигать сами. И Сейчас движение идет в худшую сторону: сейчас страшный пресс идет на всю территорию Соловецкого архипелага, огромное количество гектаров которой будет передаваться церкви. Но не для того, чтобы воссоздавать скит, рыболовную тую или часовню. Восстанавливается совершенно другое: 20 посел-

них совместных Дней памяти напоминают стенды экспозиции «Соловецкий лагерь и тюрьма. 1920–1939», расположенной в бывшем лагерном бараке. С начала 2016 года в Соловецком государственном музее-заповеднике упразднен отдел ГУЛАГа.

7 августа митинг на Аллее памяти поселка Соловецкий открыла Ирина Флиге. Она рассказала о том, как начинались и менялись Дни памяти на Соловках: «Почему-то сегодня хочется сказать, как все это началось в июне 1989 года. В 1990–е годы все больше людей присоединялись к Дням памяти: музей, монастырь, когда он появился здесь в 1993 году. Ушло поколение бывших заключенных, потом ушло поколение их детей, которые приезжали сюда к отцам и матерям на свидание и помнили эти Соловки с детства. А Дни памяти продолжались, все больше и больше людей сюда приезжало. И вот последние два года начали убывать разные структуры и организации. Это и Соловецкий музей, и Соловецкий монастырь — этой темы для них больше не существует. Но мы с вами ездим. А память и те акции, на которые мы приезжаем, это в каком-то смысле сакральные акции. Поэтому не важно, сколько нас приедет. В какой-то год может быть совсем немного, в какой-то — больше. Но главное, что мы здесь и что эта память для нас жива».

Наталья Брыжко-Запур, директор Польского института в Санкт-Петербурге: «Я здесь впервые побывала во время Дней памяти в 2013 году, и тогда это было огромное официальное мероприятие. Появляется такое ощущение, что за эти 3 года я не только посмотрела, а поучаствовала лично в каком-то киносценарии, в котором вдруг кто-то решил прокрутить киноплёнку назад. Но я все-таки надеюсь, что эта киноплёнка, которая крутится обратно, — это замысел сценариста и режиссера, который хочет показать, как не надо. И она остановится и уже стремительно пойдет вперед».

ков площадью 1500 гектаров с гостиничными комплексами. А будет там место Дням памяти? Сомневаюсь».

Дни памяти на Соловках продолжились до 9 августа. Участники посетили Секирную гору, где в лагерное время располагался штрафной изолятор и захоронение заключенных, Савватьево, остров Большая Муксалма, где в 1923–1925 годах располагался политскит и одно из лагерных отделений СЛОНа и тюрьма (в настоящее время в постройках скита ведутся реставрационные работы, на свалке у келейного корпуса лежат решетки и тюремные двери), камень Лихачева. Несмотря на то, что проведенная Соловецким музеем в июне 2016 года конференция была посвящена памяти Д.С.Лихачева, лесную тропу к камню, на котором он выбил свое имя, могут найти лишь те, кому она известна, — какие-либо обозначения места отсутствуют.

9 августа, перед отъездом, участники Дней памяти поделились своими впечатлениями о прошедших днях, о важности для них поездки на Соловки и в Сандармох именно в рамках Дней памяти. Мнение многих участников Дней памяти высказала художница Елизавета Саволайнен: «Я в первый раз здесь и нахожусь под большим впечатлением. Нам, гражданскому обществу, нужно попытаться выстроить свою альтернативную версию памяти. И потому это должно стать уже культурной памятью, то есть памятью, которая хранится во вневременном архиве. Поскольку у нас государство в этом не заинтересовано, эта ответственность лежит на нас. На обществе «Мемориал», на активистах, на людях, которые что-то помнят, работают с этим».

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Дорожный указатель на Сандармох.
Фото Надежды Киселевой

28 августа российские немцы вспоминали о том, что 75 лет назад, в 1941 году, вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором немцы Поволжья были обвинены в укрывательстве «тысяч германских шпионов и диверсантов» и не-донесении об этом властям. На этом основании всех немцев Поволжья предписывалось выселить в Коми, Сибирь, в Казахстан и на Алтай, а их автономная республика — АССР немцев Поволжья — была ликвидирована.

28 августа 2016 г. в городах Коми, Сибири, Алтая, куда выселяли депортированных немцев, прошли памятные мероприятия. Митинг, посвященный Дню памяти и скорби российских немцев, состоялся в Абакане, столице Хакасии. Его организаторами выступили Министерства национальной и территориальной политики, Министерства труда и социального развития Республики Хакасия, а также региональная организация «Центр немецкой культуры имени Генриха Багца», — сообщило Информационное Агентство «Хакасия».

Почтить память российских немцев пришли десятки жителей Хакасии. Трагедия прошлого века коснулась многих семей, навсегда оставив след скорби в памяти людей.

«Депортация проводилась без суда, следствия, предъявления обвинений, в малообжитые районы, без жилья, материального обеспечения, на тяжелые физические работы в условиях ненависти окружающих к «врагам народа», — отмечает в своей книге «Массовая депортация и проблемы реабилитации поволжских немцев» доцент кафедры истории России

Самый первый депортационный удар пришелся по советским немцам, отнесенным к потенциальным «коллорабнтам» в силу своей этнической принадлежности к нации, с титульным государством которой шла война.

В указе 28 августа отмечалось, что «по достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья».

С 22 июня по 10 августа в Республике немцев Поволжья было арестовано по обвинению в шпионаже — 2 человека, террористических намерениях — 3, диверсионных намерениях — 4, в распространении пораженческих слухов — 97, так что счет явно не шел на тысячи.

Депортации, т.е. принудительному насильственному переселению, подверглись до конца 1941 года 905 тысяч человек, из них немцев Поволжья — 438,7 тысячи. Такие цифры приводит Павел Полян в изданной «Мемориалом» в 2001 году книге «Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР».

Вывозили депортированных, главным образом, в Казахстан, в Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую области. Расселяли, как правило, в сельской местности, независимо от места предыдущего проживания. Переселяемым немцам разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие на один месяц — всего весом до одной тонны на семью. Сроки на сборы были крайне сжаты, и перед отправкой успевали подготовить минимальный запас продуктов.

Павел Полян отмечает, что одним из способов использования труда немцев в местах нового расселения стала трудовая мобилизация немцев и формирование на время войны так называемой Трудовой армии, «бойцы» которой направлялись в районы, как правило, удаленные от мест учета их семей на спецпоселении. Трудармейцы организовывались в рабочие батальоны с лагерным режимом и продовольственными нормами ГУЛАГа. Смертность среди трудармейцев была выше, чем просто на спецпоселении, хотя и оставленным без них немцам-старикам и детям приходилось очень тяжело в полугодных колхозах военного времени. Высланные специалисты чаще всего использовались не по специальности. Большинству представителей немецкой интеллигенции пришлось работать на неквалифицированных работах: на стройках, лесоповалах. Подростки 15–16 лет привлекались в трудармию для использования на общих условиях и под жестким контролем НКВД.

С окончанием войны репрессии не закончились. На 1 января 1953 года насчитывалось 755 180 немцев, находящихся на режиме спецпоселения. Лишь в 1965 году вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором все обвинения, выдвинутые в указе 1941 года, были признаны необоснованными.

Хакасского государственного университета Михаил Степанов.

В Барнауле, как сообщил официальный сайт города, на площади Свободы у памятника жертвам политических репрессий собрались представители разных национальностей. Там состоялся митинг, посвященный 75-й годовщине указа о депортации российских немцев. В настоящее время в Алтайском крае проживает более 50 тысяч российских немцев. В регионе действует несколько общественных организаций российских немцев, развивается Немецкий национальный район.

Мероприятия, посвященные Дню памяти и скорби российских немцев, прошли и в Москве. О панихиде у Соловецкого камня на Лубянской площади и концерте для участников Клуба немцев Москвы сообщил информационный портал российских немцев.

В Новосибирске, как сообщил Новосибирский областной Российско-Немецкий Дом, на территории кафедрального собора Преображения Господня после святой мессы состоялась молитва у плиты памяти перед скульптурой «Христос удрученный». Поминальную молитву провел диакон Денис Марчишин. В молитве участвовали не только прихожане, но и члены Новосибирского немецкого общества, дети и внуки депортированных. Владыка Иосиф Верт также присоединился к молитве о своей семье и о семьях многих, изгнанных из родных мест, о страшных жертвах тоталитаризма XX века, обо всех невинно пострадавших, убитых и замученных.

В этот день в Сыктывкаре состоялся поминальный митинг, посвященный Дню памяти и скорби российских немцев, и возложение цветов, — сообщил Интернет-журнал «7x7» новости, мнения, блоги». Мероприятие проходило у часовни жертвам политических репрессий. В нем приняли участие члены немецкой и других автономий, члены молодежных национальных клубов, жители Сыктывкара. На митинге выступили пастор евангелическо-лютеранской общины Сыктывкара Андрей Ташак, заместитель председателя немецкой национальнокультурной автономии в Коми Рейнгольд Бихерт и председатель молодежной организации российских немцев Республики Коми «WIR» Софья Фельцингер.

На снимке: Депортация немцев — на сборы отводилось два дня.
Фото из архива «Международного Мемориала»

ЭТА ГОРЬКАЯ БЫЛЬ ЖИТЕЛЕЙ АРТЕМА

АЗАЛИЯ СВЕРКУОВА

(руководитель организации реабилитированных и пострадавших от политических репрессий в Артеме)

Родилась Азалия Михайловна во Владивостоке, в молодой студенческой семье Михаила Павловича Сверкуова и Натальи Николаевны Шептухи. Родители учились, а ее увезли к бабушке в Харбин. Дедушка работал на КВЖД, бабушка занималась внучкой. Так было до 1929 года «Это даже не воспоминания, а, скорее, ощущения бабушкиного тепла, дома, в котором все было благополучно», — рассказывает Азалия Михайловна.

Азалия Михайловна не помнит, почему семья довольно часто меняла место жительства. Видимо, специалисты нужны были везде. Так и попали родители сначала в Алтайский край, потом в Новосибирскую область. О последнем месте работы отца и матери она знает уже из документов КГБ. Отец работал старшим научным сотрудником в НИИ животноводства в Новосибирске, мама — там же научным сотрудником. Их арестовали прямо на работе в 1937 году, за 10 дней до Нового года.

Азалия была в школе, младший брат оставался дома, когда пришли с обыском. Все перевернули, а на ребенка внимания не обратили — ушли, оставив его, забившегося от страха в угол. Там и нашла мальчика пришедшая домой сестра.

— Я потом читала документы КГБ, знала, как проходил обыск, но даже не догадывалась,

что Юра помнит этот день. А он как-то в беседе сказал, что в тот день милиционеры забрали ружье и фотоаппарат...

Детей посадили на поезд. Ехали под охраной четырех милиционеров и женщины — тоже, видимо, из милиции. Дети «врагов народа» — беззащитные, но, видимо, «опасные» для окружающих. Даже в туалет их под конвоем водили.

Приехали в Павлодар, в детский дом. В детском доме жили не только такие же, как они, но

В Артеме Приморского края вышла книга «Эта горькая боль». Материал для книги авторы собирали несколько лет. В нее вошли материалы, написанные журналистами городских газет, и личные воспоминания репрессированных людей.

и другие беспризорники. И вот те, что «не враги», пытались закидать новеньких камнями, и милиционерам пришлось спастись их.

Что стало с родителями — в детском доме была запретная тема. Сказали только, что им дали 10 лет без права переписки. Это сейчас я знаю, что это значит.

После школы Азалия поступила в Павлодарское педучилище, окончила его в 1944 году. Еще один год училась в университете марксизма-ленинизма. Но потом ей объяснили, что дальше учиться нет смысла — дочь «врагов народа».

А брата после детского дома отправила учиться в техникум связи в Алма-Ату. По окончании его направили во Владивосток, дали комнату, туда он и вызвал сестру. Вновь пришлось вспомнить, кто их родители, когда возник вопрос о прописке.

«Нас пригласили на собеседование, которого я просто боялась. Потому поехала в КрайОНО и взяла направление в Артем. Стала работать учителем во вспомогательной школе. А брат дождался результатов собеседования. Все-таки его прописали. Но стресс был серьезный, и оставаться во Владивостоке он тоже не захотел — уволился.

Родителей арестовали в Новосибирске в 1937 году, 21 декабря, а расстреляли 28 января 1938 года. Сначала нам говорили, что им дали 10 лет без права переписки, потом — уже в 1970-е — дали свидетельства о смерти, выписанные в Новосибирском ЗАГСе. Там было написано, что мама умерла в 1942 году, а отец — в 1944-м. Это, конечно, была ложь. Официальные свидетельства, подтверждающие, что их расстреляли, мы получили только в 2000 году. Их и еще нескольких человек обвиняли во вредительстве, в шпионаже. Расстреляли всех вместе, как бы по одному делу. Но думаю, что в жизни они даже не были знакомы. Помню, одного из расстрелянных обвинили в том, что он передавал в Японию сведения о движении военных по железной дороге. А он от железной дороги жил в нескольких десятках километров. Еще один из расстрелянных по этому обвинению жил в глухомани, почти в тысяче километрах от Новосибирска, а был обвинен в том, что передавал за границу сведения о закрытых собраниях института. А наших обвинили в том, что они занимались потравой скота. Кстати, в деле совсем нет сведений о харбинских бабушке и дедушке — маминых родителях. Мама, видно, на допросах о них ничего не говорила.

Хранит Азалия Михайловна память и о своем дяде, брате отца Иване Павловиче. Талантливый художник, он был расстрелян в 1938 году. А во время войны в Москве состоялась выставка его работ (уже посмертная) совместно с армянским художником Сарьяном.

В новую книгу, посвященную жертвам политических репрессий, авторы собрали воспоминания людей, проживавших на территории города Артема. Инициатором проекта выступила общественная организация репрессированных при поддержке администрации и главы Артемовского городского округа Владимира Новикова. Презентация прошла в читальном зале центральной городской библиотеки имени Крупской. Там собрались представители обществности, литераторы. Всего на территории Артема сейчас проживают около 500 человек, полу-

рядке указаны все артемовцы-жертвы политических репрессий в 1937–1938 годах, включая уроженцев Кореи, проживавших и работавших в г. Артеме и близлежащих селах тогда еще Шкотовского района, а теперь — Артемовского городского округа.

Азалия Михайловна Сверкуова отметила, что составители «старались рассказать о как можно большем количестве людей, невинно пострадавших в годы сталинских репрессий, однако не просто было

живших статус жертв политических репрессий.

Надо отметить, что такой проект уникален для Приморья. «Несколько лет назад в крае готовилась подобная книга, но до конца дело доведено не было. Сегодня только в Приморском крае и Челябинской области нет Книги жертв политических репрессий», — рассказывает Азалия Сверкуова, дочь репрессированных, представитель общественной организации реабилитированных и пострадавших от политических репрессий.

Издание дополнено редкими и уникальными фотографиями из семейных архивов, а также списком жертв политических репрессий в 1937–1938 годах с краткими биографическими данными. В конце книги в алфавитном по-

собрать материал». Не осталось родственников, не сохранились фотографии, но даже скупые воспоминания были ценны. Сторож, домохозяйка, путевой обходчик, машинист, колхозник, шахтер — никого не щадила беспощадная борьба с «врагами народа».

Татьяна КОМАРОВА,
Артем

На снимках: Азалия Сверкуова летом 2016 года на представлении новой книги, и в молодости. Фрагмент памятника жертвам репрессий в Артеме. Александр Тегай рассказывает про Те Бук-Сэ, своего близкого родственника из числа репрессированных корейцев. Фото Татьяны Комаровой

ТАМАРА НАМАКОНОВА

(бывший руководитель общественной организации реабилитированных граждан в Артеме)

Дедушка Тамары Намаконовой и 5 его братьев были казаками. Дедушка Тамары со своей женой родили пятерых сыновей и четырех дочерей. Сыновья женились, и в одном огромном доме жили более 40 человек.

К 1930 году советская власть признала всех Намаконовых богачами и раскулачила. Отца и мать тогда еще не родившейся Тамары с шестью детьми лишили дома и выгнали на Сахалин. В 1932 году на Сахалине родилась Тамара. Но власть не успокоилась. Они хорошо работали, и их раскулачили повторно. На этот раз их отправили в глухую тайгу в Хабаровском крае. Они валили деревья, корчевали пни и строили бараки. Позже организовали колхоз «Победа». Трудолюбивый народ вывел хозяйство в лучшие по Хабаровскому краю, сдавал государству молоко, мясо, яйцо, шкуры животных, зерновые. Продналог был очень тяжелым, на жизнь крестьянам оставались крохи.

Ночью 14 февраля 1938 года в поселок приехали офицеры из рай-

онного отдела НКВД и забрали всех мужчин в тюрьму, объявив их японскими шпионами. У 37-летней матери Тамары на руках осталось шестеро детей. Самому старшему, Андрею, — 17 лет, младшей — 2 года. Андрей учился в ФЗО, но сыну «врага народа» запретили учебу. Устроился на ветеринара в подмастерьях.

После войны брат выучился на ветеринара, уехал работать в Приморье. А тогда в Хабаровской тайге перед самой войной люди жили очень бедно. Ели ягоды да коренья. Картошка или крупа на столе были праздником. Летом и осенью, когда разливалась река, рыбу ловили корзинами.

Отца Тамары Демьяна Назаровича расстреляли в 1938 году. Семья его после ареста не видела, но через некоторое время к Намаконовым приехал мужчина, которому удалось спастись. Он и рассказал, как в тюрьме люди сидели в огромных казематах так тесно прижавшись друг к другу, что невозможно было пошевелиться. Несколько партий отправили в Магадан. Многих людей посадили в баржи, и они утонули в Амуре. Сотни человек расстреляли. Помоловали лишь небольшую

кучку «врагов», оставшихся после всех зверств. «Когда меня отпустили, я не поверил своим ушам, — рассказал страшную трагедию гость. — Шел по тюремному двору и каждую секунду ждал пули в спину. Обошлось. А с вашим отцом я встретился в колонне пленных, он мне тайно передал деньги, шепнул адрес детей. Как чувствовал, что сам приехать не сможет. Я видел, как его убили».

...Когда Андрей пригласил маму с сестренками в Чугуевский район, Тамара уже начала работать. Позже в Уссурийске она закончила культпросветучилище. В Чугуевском районе работала завклубом и даже председателем сельсовета.

В Артем Тамара Демьяновна приехала в 1963 году. На вопрос «почему именно в Артеме?», отвечала: «Детей нужно было учить, а здесь Владивосток рядом и с жильем проще».

Тамара Демьяновна 6 лет руководила общественной организацией реабилитированных граждан в Артеме. За эти годы ею в Артеме установлен памятник жертвам политических репрессий и собрано довольно много материала о колониях политзаключенных в городе в 1930—1950-е годы.

ЗИНАИДА ОВЧИННИКОВА

(Активист общественной организации реабилитированных граждан в Артеме)

Зинаида Михайловна — дочь купеческого сына и потомственной дворянки. Кроме нее, на момент расстрела отца, Михаила Семенова, в семье было шестеро детей.

Михаил Петрович Семенов в свое время получил блестящее экономическое образование. В 1918 году вступил в Красную Армию, сражался в дивизии Чапаева. С 1922 года служил в Московском акционерном обществе мясо- и хлебопродуктов, организованном по инициативе Бухарина. За то и поплатился: в 1930 году его обвинили в причастности к «бухаринскому заговору», арестовали, осудили на 10 лет, а семью сослали в Амурскую область. Но этот первый арест для семьи окончился относительно благополучно. В 1933 году Михаила Петровича выпустили из тюрьмы, он нашел жену Надежду и детей (тогда их было пятеро) в Амурской области на станции Средне-Белой,

и они поехали на поселение в шахтерский поселок Зыбунный, будущий город Артем.

В ноябре 1937 года отца семейства вновь арестовали, а его жену Надежду Федоровну с детьми и престарелой мамой Татьяной Ивановной на следующий год выслали из Приморья в Среднюю Азию.

«Из ссылки в ссылку. А чтобы не замерзли, в Среднюю Азию — там зима теплее, — несело усмехается Зинаида Михайловна. — Еще до возвращения в Приморье я поставила себе цель узнать правду об отце. И когда вернулась, первое, что сделала, — нашла сведения в архивах. Его и еще несколько человек без суда и следствия 2 августа 1938 года расстреляли, не предъявив никакого обвинения».

На тот момент семья еще оставалась в Артеме, но им о смерти отца не сообщили. На то, чтобы узнать правду, у Зинаиды Михайловны ушло 9 лет. Она получила доступ в архивы НКВД, прочла документы, касающиеся судьбы отца. А в доме, что он построил, поселился сотрудник НКВД.

...В том 1938-м они чудом уцелели, не умерли с голоду и доехали в поезде до Ташкента. Трудно предположить, о чем думала, что чувствовала Надежда Федоровна, мама Зинаиды и всего многочисленного семейства, когда

они вышли из поезда на вокзал. Дальше идти было некуда.

Приближались новогодние праздники.

«Новый, 1939 год наша семья без средств к существованию, без крыши над головой встречала на вокзале города Ташкента, — пишет в своих воспоминаниях Зинаида Михайловна. — Чтобы не умереть с голоду, мы просили милостыню, и это привлекло внимание узбекской милиции. Милиционеры были в шоке, откуда мы приехали, не скрывали своего возмущения действиями приморских сотрудников НКВД...»

«Сейчас про Узбекистан разное говорят, а если бы не узбеки, наша семья просто вымерла бы», — уверена Зинаида Михайловна.

...После войны они вернулись в Артем не сразу и не все. Зинаида сразу стала искать ниточки, ведущие к тем давним событиям. Она добилась доступа в архивы, нашла документы, свидетельствующие о казни отца. Единственное, что не нашла, — где он похоронен.

Зинаида Михайловна не успокоилась, узнав правду об отце. Она всю жизнь занималась тем, что старалась вернуть доброе имя людям, осужденным в страшные годы репрессий. В 1956 году Михаила Петровича Семенова реабилитировали. Семья получила свидетельство, в котором причиной смерти значится расстрел.

«Главное — чтобы люди узнали правду, — говорит она. — Когда я впервые пришла в архив, старый служащий сказал мне: «Архив — страж исторической справедливости».

Записала
Зоя НЕСТЕРЕНКО

На снимках: Остатки лагерных строений на территории Артема. Михаил Семенов, расстрелянный отец Зинаиды Овчинниковой. Фото из архива Организации реабилитированных и пострадавших от политических репрессий жителей Артема

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

АВГУСТ 1968 ГОДА НА КАРТЕ «ТОПОГРАФИЯ ТЕРРОРА»

➤ Окончание. Начало на с. 3

По словам Александра Даниэля, которые приводит сайт «Топография террора», правозащитное движение появилось как раз в 1968 году, когда протестное движение утратило политическую перспективу. Если до этого его представители имели хотя бы какие-то политические цели, амбиции и надежды на возможность изменения режима в лучшую сторону, то после вторжения в Чехословакию нерепформируемость системы стала очевидна.

Александра ПОЛИВАНОВА, куратор культурных программ «Мемориала», рассказала, что общества, недавно освободившиеся от гнета, перефразируя антрополога Клиффорда Гитца и историка Андрея Зорина, больше нуждаются в идеологических системах, отвечающих национальной идентичности. Она предлагает договориться и выбрать в качестве одного из ключевых символов самоидентификации демонстрацию на Красной площади в августе 1968 года — чтобы идеологическую модель не конструировать заново. «Тут и про то, с кем мы себя ассоциируем, и про ненасилие, и про наши интенции в отношениях с окружающим миром...». Для этого Александра предлагает разобраться в том, что, как и где случилось, изучив демонстрацию и суд над демонстрантами на карте «Топография террора».

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Комментарии к фотографиям на сайте «Топография террора» подготовлены Михаилом Погореловым

На снимке: Советские танкисты и жители Братиславы в дни августовских событий. Фото Л.Биелик (из архива НИПЦ «Мемориал»)

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО

25 января 1969 года две студентки Московского университета Ольга Иофе и Ирина Каплун (им обоим было по 18 лет) вышли на площадь Маяковского с плакатом, на котором были написаны два лозунга: «Вечная память Яну Палаху!» и «Свободу Чехословакии!».

ДОРОГАЯ СОФИЯ

В детстве мы с нетерпением ждали летние каникулы, твердо веря в то, что летом с нами обязательно случится что-то необычное, интересное, чудесное. Что-то, о чем будет приятно написать в традиционном сочинении «Как я провел лето». Что-то такое, чем захочется поделиться с друзьями, одноклассниками и учителями. Примерно с таким же нетерпением и тайным ожиданием чуда я уходил на свое «парламентское лето». И чудо произошло. Судьба подготовила мне встречу с удивительным человеком, благодаря которому я открыл для себя еще одну страницу нашей истории.

«СПАСИБО ЗА МАМУ!»

Летом я оказался в одном из санаториев Словении — на курорте Рогашка-Слатина. Тихий отдых, минеральные воды, коротание теплых дней за шахматной доской с другими отдыхающими... Я не сразу заметил пожилую женщину, которая уделяла особенное внимание людям с азиатскими чертами лица. Оказалось, что она подходила к ним и с надеждой спрашивала: «Вы не казахи?», а получив утвердительный ответ, говорила: «Спасибо вам за маму». И когда я познакомился с этой женщиной, Майей Шейниной, она рассказала мне историю своей матери...

— Моя мать, Софья Александровна Зильберберг, родилась 5 ноября 1894 года в Польше, в городе Лодзь, в семье бедного лодзинского ткача. Ее имя не стоит в одном ряду с именами великих людей, но ее трагическая судьба тесно сплелась со взлетами и падениями XX века, отразила путь многих еврейских женщин той эпохи.

Вспоминая о детстве и отрочестве, она неизменно говорила, что платье было одно, его надо было беречь до следующего праздника Песах или Рош а-Шана (день, начинающий отсчет еврейского нового года. — Примеч. «30 октября»), когда родители покупали новое. Семья была религиозная, мой дед был хасид, бабушка носила парик и выполняла все обряды еврейской религии. Родным языком мамы был идиш, вторым — польский, третьим — немецкий. На окраине Лодзи на улице Видзевской жил совсем бедный люд: рабочие, ткачи, извозчики, проститутки. В начале XX века во многих городах Польши стали появляться революционные кружки, переросшие впоследствии в ППС — Польскую

партию социалистичну. В 17 лет гимназистка Зося вступила в партию. Почему это произошло? Она видела вокруг столько нищеты и несправедливости, ее настолько поражала предельная бедность в многодетных семьях родственников ее отца, живущих в еврейских местечках, что она с юношеским пылом поверила в идею социальной справедливости, равенства и вступила в ряды борцов за нее. В 1918 году, спасаясь от преследования властей, мама, как и многие польские социалисты, переехала в Россию, в Москву и вступила в партию большевиков.

Так произошел отрыв моей матери от семьи, родного языка, традиций еврейского народа. Кто знал тогда, что этот разрыв навсегда, навеки... В начале 1920-х годов мама училась на медицинском факультете Московского университета, окончила его, вышла замуж за гродненца Соломона Михайловича Харина, ставшего студентом Института красной профессуры. Работала сначала в Наркомате просвещения под руководством Н.Крупской, потом у Семашко в Наркомате здравоохранения, а в начале 1930-х стала главным врачом знаменитого родильного дома им. Грауэрмана. Это был роддом высокого ранга для членов правительства и высокопоставленных работников. Его здание чудом уцелело во время грандиозной перестройки центра Москвы и стоит сейчас в начале Нового Арбата.

Работала мама самозабвенно: мы, ее дочери Елена и Майя, редко видели ее дома. Это были самые счастливые годы ее жизни. Она была хорошим врачом, талантливым организатором, любила людей, и они платили ей тем же. В эти же годы она была дежурным врачом в ГОСЕТе, еврейском театре Михоэса, подружилась с семьей Зускина, часто бывала на спектаклях театра. Но эта насыщенная творческая жизнь скоро оборвалась — наступил 1936 год...

Мой отец, бывший заместителем директора Госбанка СССР, был арестован в мае. К слову, весь выпуск экономического факультета, деканом которого был Л.Троцкий, — все 134 человека — был впоследствии уничтожен КГБ как троцкисты.

Навсегда запомнила я страшную ночь. Отца не было дома, мы спали. Среди ночи в дверь позвонили, потом начали стучать. Мама не открыла, обняла нас, и мы с ужасом стали ждать, что будет даль-

боты, привычного круга друзей, — даже представить себе трудно. В первые годы после ареста их к тому же лишили права переписки, погрузив в полную тьму. Многие не выдерживали этой чудовишной ломки, сходили с ума, заболели и умирали от тоски и болезней.

CHANEL № 5

...Слушая этот рассказ, я невольно вспоминал другую историю, на которую наткнулся в своих исследованиях темы репрессий.

В 1930-е годы один дипломат, вернувшийся из зарубежной поездки, был арестован сотрудниками НКВД. Ему дали срок и сослали в Сибирь, а его жену посадили в АЛЖИР. Когда она приехала в лагерь, ее окружили женщины-заклученные.

Платок, окутывавший ее плечи, сохранил на себе запах духов Chanel № 5. И женщины тут же уловили этот удивительный запах, словно пришедший в их беспросветную жизнь из далекого прошлого. Узицы вспоминали счастливые времена, им удалось хотя бы на один короткий миг забыть про сырой, темный барак. Аромат, созданный самой изысканной женщиной мира, подарил им, несчастным заключенным, нечаянную радость. Радость, которая затем наполнила их глаза горькими слезами... Вспоминая эту историю, я думал: «Может быть, и Софья Александровна Зильберберг была в числе этих женщин и этот аромат, пришедший из прошлой жизни, разбередил и ее душу?»

— Моя мать была врачом, — между тем продолжала свой рассказ Майя Соломоновна. — Она нашла в себе силы и принялась в лагере за привычное дело: лечить, спасать других. Впоследствии она нам почти ничего не рассказывала, го-

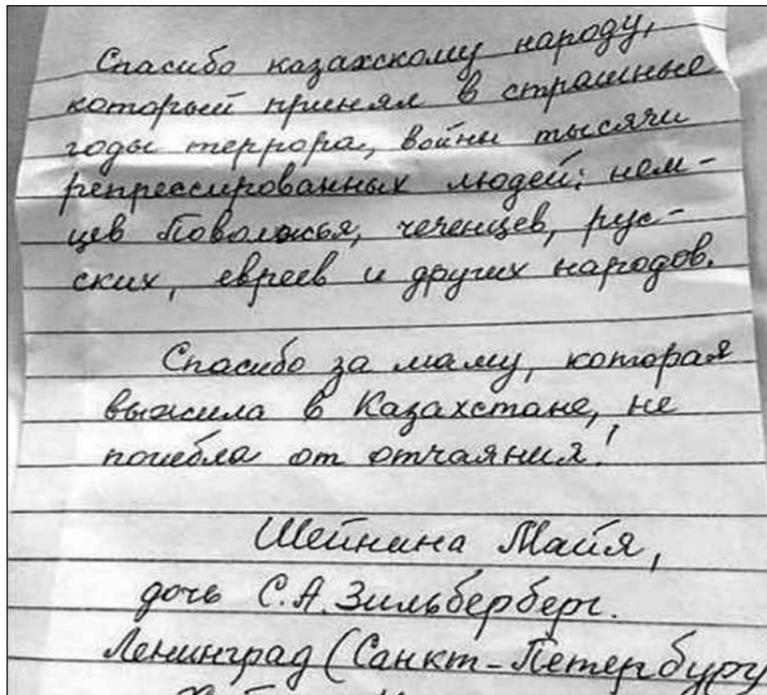

ворили об этом ее многочисленные подруги, вернувшиеся в середине 1950-х из советских лагерей. Они вспоминали, как стойко отставала мама перед лагерным начальством заболевшую женщину, не давая разрешения использовать больных на общих работах, пристраивая их на кухнях, в медпунктах, в мастерских. Ашхен Окуджава, мать Булата Окуджавы, так написала своей подруге по лагерю Целине Будзинской: «Софья Александровна спасла нам жизнь».

Я думаю, именно нравственные установления, полученные ею в детстве и юности в религиозной еврейской семье, — честность, порядочность, трудолюбие, любовь и

решительность, любовь к людям, горячее желание помочь другим привлекали к ней сердца людей, в каком бы коллективе ей ни приходилось оказываться.

Вспомогательные материалы: фотография мамы и Майи, фотография Софьи Александровны Зильберберг, фотография Майи Шейниной.

интерес к людям, горячее желание помочь другим привлекали к ней сердца людей, в каком бы коллективе ей ни приходилось оказываться.

Всю жизнь мама была человеком любознательным, любила читать. Навешая маму в ссылке в Аксу-Аюлы, я видела у нее на полках свежие медицинские журналы — она продолжала учиться. К своей профессии врача она относилась как к долгу служения людям. Будучи по образованию акушером-гинекологом, она в ссылке освоила и другие медицинские специальности, была стоматологом, венерологом, даже глазные болезни лечила. Климат в Казахстане суровый, тогда ведь и транспорта не было, только лошади. Но в любое время суток, в любую погоду мама ехала или шла на помощь больному, поэтому и жители ее очень любили. Я помню, как казахи называли ее «дэригер Софья». Она учила женщин, как ухаживать за младенцем, потому что казахи по традиции очень крепко пеленали ребенка. И она объясняла, что надо ребенку свободу немножко давать. В общем, работы было очень много.

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

Несмотря на разлуку, на большую загруженность на работе, мама принимала большое участие в том, как жили мы, ее дочери. Она писала нам письма, стараясь издалека вникнуть во все детали нашей жизни, согревала наши души своей любовью и неизменно ставила перед нами высокие задачи. Ее авторитет был для нас непререкаем. Мы с сестрой хорошо учились, получили высшее образование, и в этом главная заслуга нашей матери.

Некоторое время спустя внучка Софья Александровны, Кати Зобин, отправила мне несколько писем, которые ее бабушка писала дочерям. И по этим письмам становится понятно, что действительно, несмотря на расстояния и долгие годы вдали от детей, Софья Александровна не оставалась в стороне от их жизни, давала им муд-

рые советы, делилась своими мыслями и чувствами. Вот некоторые выдержки из писем:

«Как хорошо, что вы живете дружно! Налаживаешь ли ты свой досуг изредка — надо обязательно познакомиться с людьми, помимо школы, это поможет научиться познавать людей. Получила из Горького яблок и пожалела, что не могу угостить тебя, родная. Так хотелось слышать хруст под белыми твоими, острыми зубками».

«Дорогая, родная моя девочка! Я тебе 2 июля телеграмму послала, но боюсь, что ты ее не получила, поэтому хочу тебя еще поздравить и пожелать тебе всего, всего наилучшего. Пусть твоя жизнь будет радостной, все плохое пусть уже на меня ляжет — мне осталось ведь не так много, все хорошее позади. И уверена, что экзамены у тебя пройдут хорошо... Сейчас жуткая дорога, и я страшно беспокоюсь о тебе, как-то ты будешь ездить. Постарайся большинство вещей оставить в Саратове, может, дядя Леся сумеет отправить их в Ленинград, если ты думаешь там учиться, с собой возьми только самое необходимое, чтобы не было много багажа».

«Я только что вернулась из кино — смотрела картину «Тарас Шевченко», долго и горько плакала — страшное было время, когда жили такие люди, но какое счастье, когда люди одарены таким талантом, насколько легче им было переносить издевательства царского времени, у них была муза, которой они могли выразить страдания людей, и лучшие люди того времени помнили о них, помогали им вернуться к жизни, к борьбе, к тому, чтобы дети в белых передниках могли стоять на

На снимках: Майя Шейнина и Нурлан Дулатбеков, лето 2016 г. Письмо для казахстанцев, написанное Майей. Лето 1954 года. Коллектив Шетской районной больницы. В первом ряду, вторая слева Софья Зильберберг. Село Аксу-Аюлы Шетского района, Карагандинской области, Казахстан. Фото из личного архива Майи Шейниной

прекрасной Киевской площади у Днепра и около монументального памятника петь шевченковские стихи. Довольно об этом — трудно писать — хочется лучше вместе с тобой радоваться твоим первым педагогическим успехам. Я счастлива, что опытные педагоги видят в тебе талантливого товарища — помни только, родная моя, что эта первая похвала обязывает тебя ко многому, надо много, очень много работать над собой, чтобы подкрепить талант знаниями».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Лагерный срок мамы закончился в 1945 году, — рассказывала дальше Майя Соломоновна, — но после войны еще год никого не отпускали, а потом не разрешали жить в больших городах. Мы с сестрой в 1946 году впервые приехали в Казахстан повидать маму после 9 лет разлуки. Помню, мы долго стояли у окна в поезде, никак не могли дожидаться встречи. Я мысленно представляла себе, как это будет. Когда мы расстались с мамой, мне было 8 лет, сестре — 15, и мама мне запомнилась молодой, статной, красивой. На станцию Жарык поезд приехал рано утром, стоял там всего минуту, и люди, к кому мы едем, помогли нам вытащить вещи и выйти. Вокруг не было никаких строений, только жаркая степь. Я вглядывалась в людей, ища среди них маму. И вдруг я увидела, что какие-то женщины ведут под руки немолодую женщину в коричневом драповом пальто. По этому пальто я узнала свою маму... И плача, кинулась бежать к ней навстречу. Не могу передать, что чувствовала тогда мама: она оставила нас совсем детьми, а теперь к ней бежали две взрослые девушки. Так мы встретились.

Наконец мама освободилась из лагеря в 1947 году, приехала в Караганду и стала там успешно работать врачом. Но в 1948—1949 годах всех бывших заключенных снова начали арестовывать. Маме предъявили какое-то выдуманное обвинение и отправили в село Аксу-Аюлы Шетского района Карагандинской области на вечное поселение. Там она проработала врачом до 1954 года.

После смерти Сталина мама вернулась из ссылки, а вскоре, после XX съезда партии, была реабилитирована. Мама получила квартиру в Москве и пенсию всеоюзного значения. Она даже снова стала членом Коммунистической партии, и стаж ей засчитали с 1911 года. Она воспряла духом, старалась снова быть полезной людям, работала в комиссии по оказанию помощи старым большевикам.

После 25 лет скитаний по тюрьмам, баракам в лагерях мама в свои 68 лет получила возможность жить вместе с детьми и внуками. Мы прожили вместе последние 15 лет ее жизни. Умерла мама в Ленинграде в 1977 году.

В 1990 году моя семья переехала в Израиль. Так что праправнуки лодзинского хасида учились в религиозной школе, читали Тору и сегодня следуют традициям своего народа. Все вернулось на круги своя.

АРХИВЫ ЗАГОВОРИЛИ

Майя Соломоновна замолчала. Я спросил: «А ваша мама часто вспоминала Казахстан?»

Женщина встрепенулась, ее глаза взволнованно заблестели:

— О, конечно! Конечно, вспоминала! Сохранились фотографии, где сняты мама, два врача из России — молодые девушки, которые по распределению после института попали в Аксу-Аюлы. Была немка Франциска со своей дочкой, которая вышла замуж за казаха и жила там. Здесь мама дружила с Ашхен Окуджавой и с Евгенией Гинзбург, которая написала известную на весь мир первую книгу о казахских лагерях «Крутой маршрут». Я сама часто вспоминаю Казахстан. Я была у мамы в Аксу-Аюлы два раза. Последний раз летом 1954 года я

вышла замуж и хотела, чтобы мама увидела моего мужа. Ведь у нее уже было вечное поселение. Вы понимаете, какое это отчаяние для человека из Москвы остаться навеки в Аксу-Аюлы!

Мне запомнилось, как нас приглашали в гости казахи. Очень вкусный был кумыс, кисленький такой, я раньше никогда не пила. Очень вкусный бешбармак. Нам давали вилочки, хотя говорили, что можно есть руками. Было очень тепло, сердечно, особенно чай запомнился. Ты пьешь чай, наполнил уже, но не знаешь, что надо перевернуть пиалу, — и тебе опять наливают. И так это все было мило и тепло. И я запомнила это дружеское тепло, и всегда, если вижу в Израиле казахов, стараюсь подойти, пообщаться с ними.

И все время, что мама работала там, к ней относились с большим уважением, дружелюбно, ценили ее большой труд. Люди даже ходатайствовали о том, чтобы маме разрешили вернуться к ее прежней жизни.

Приехав домой, я сразу кинулся в архив Шетского района и там нашел подтверждение слов Майи Соломоновны. С 1950 года сохранилось много документов, связанных с Софьей Александровной Зильберберг, в том числе приказы о ее назначении на должности стоматолога, акушера-гинеколога, венеролога, приказы, в которых ей объявлялась благодарность за хорошее обслуживание населения и добросовестную работу. Особенно примечателен Приказ № 135 по Шетскому райздравотделу с. Аксу-Аюлы от 4 октября 1954 года, который как раз таки содержал в себе ходатайство о возвращении в Москву: «Врачу-акушеру-гинекологу (по совместительству врач дерматолог-венеролог) Шетской районной Зильберберг Софье Александровне за многолетнюю и плодотворную деятельность по медицинскому обслуживанию сельского населения и активное участие в общественной работе райздравотдела объявить благодарность с занесением в личное дело и трудовую книжку. Одновременно возбудить ходатайство перед вышестоящей организацией о направлении ее в Псковскую область по месту жительства дочери».

Удивительно, что жители Шетского района до сих пор знают и помнят «дэригер» Софью. Даже одна из моих теток, узнав, с чем я пожаловал в родной район, рассказала, что в ноябре 1953 года роды у нее принимала Софья-дэригер.

УРОКИ ПРОШЛОГО

В последний день перед отъездом Майя Соломоновна передала мне записку:

«Спасибо казахскому народу, который принял в страшные годы террора, войны тысячи репрессированных людей: немцев Поволжья, чеченцев, русских, евреев и других народов».

Спасибо за маму, которая выжила в Казахстане, не погибла от отчаяния! Шейнина Майя, дочь С.А. Зильберберг. Ленинград (Санкт-Петербург). Хайфа — Израиль».

Прощаясь, Майя Соломоновна с беспокойством спросила:

— А АЛЖИР до сих пор существует? Были слухи, что музей закрывают из-за нехватки финансирования.

Я успокоил женщину, сказав, что это не так.

P.S. Внучка Софьи Александровны Зильберберг отправила мне бабушкин вышитый несессер с ее инициалами, в котором лежал ее маникюрный инструмент. Я передал эту реликвию в музей Карлага. По почте в Израиль были отправлены книги научно-просветительского проекта «Карлаг: память во имя будущего».

Нурлан ДУЛАТБЕКОВ,
руководитель
научно-исследовательского проекта
«Карлаг: память во имя будущего»,
Казахстан

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ МАССОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ В ПИВОВАРИХЕ ПОД ИРКУТСКОМ

Ежегодно в преддверии Дня памяти жертв политических репрессий 1937—1938 годов на урочище под Пивоварихой в Иркутском районе отправляются люди, чтобы почтить память погибших в ходе Большого террора родственников и друзей. Эта традиция продолжается с момента открытия мемориала в 1989 году. Тогда, после сорокалетнего молчания, на этом месте зазвучали имена жертв режима. В этом году в Пивоварихе проводятся ремонтные работы и геофизическое исследование по заказу «Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области», которое позволит более точно определить границы захоронений. Работы будут завершены к 30 октября — ко Дню памяти жертв политических репрессий, сообщает пресс-служба регионального правительства.

Еще в начале 1930-х годов здесь был создан подведомственный местному УНКВД совхоз «Первое мая», построены дачи сотрудников и пионерский лагерь для их детей. В 1937 году на этой же территории была определена специальная зона для массовых захоронений расстрелянных.

Всего решением «троек» НКВД в Иркутской области к высшей мере наказания были приговорены более 20 тысяч жителей Иркутска и Иркутской области. Большая часть приговоров была приведена в исполнение в областном центре в подвалах здания УНКВД на улице Литвинова, д. 13 и во внутренней тюрьме НКВД на улице Баррикад, д. 63. Затем тела убитых вывозились в спецзону. О местах захоронений расстрелянных, как и было положено, не сообщалось. В 1950-е годы здесь находился питомник для служебных собак. В те же годы при расширении взлетно-посадочной полосы Иркутского аэропорта часть лесного массива «Дачи Лунного короля» (местное название урочища Пивовариха; Лунным королем называли ссыльного поляка Юзефа Огрызко, жившего там в XIX веке. У него было заболевание глаз, позволявшее выходить на улицу только в темное время суток. — Примеч. «30 октября») была вырублена. Возможно, что под взлетно-посадочной полосой оказалась и часть захоронений.

В сентябре 1989 года в результате поисков, проведенных Иркутским «Мемориалом» и отрядом местного управления КГБ СССР по Иркутской области, принимавшего активное участие в розыске участников тех событий и самих раскопках, было найдено захоронение под деревней Пивовариха.

Останки первых найденных 305 человек были перезахоронены после экспертизы, доказавшей факт насильственной смерти. В ходе более подробного изучения территории и документов было выявлено, что в районе бывшего совхоза у Пивоварихи лежат останки ориентировочно 15—17 тысяч человек.

Тогда, в 1989 году, на общественных началах зародился проект создания мемориального кладбища, и уже 11 ноября 1989 года состоялась церемония открытия первого в стране официального кладбища жертв политических репрессий. Тогда же был установлен памятник. Он представляет собой две наложенные друг на друга гранитные глыбы, символизирующие сломянные судьбы. Рядом расположен трехметровый православный крест, а чуть дальше — так назы-

ваемая «Стена Скорби», состоящая из бетонных плит, на которых размещены фото-овалы и таблички с именами людей, ставших жертвами репрессий в Иркутской области. Места на ней уже нет, но изображения с именами погребенных здесь людей продолжают появляться на деревьях по соседству. Приезжающие родные и близкие крепят новые фото, устанавливают памятные знаки. Среди имен и лиц на табличках встречаются люди из разных городов, регионов.

Сейчас мемориал занимает около полугектара, но известно, что захоронения располагаются на значительно большей площади. Не все из них до сих пор найдены.

Роман Петрович Лерек, руководитель Иркутского «Мемориала», дал комментарий для «30 октября»: «Геофизические исследования, которые сейчас проводятся, позволят более четко определить границы захоронений и очертить по периметру мемориальный комплекс».

Кроме этого, в планы работ входит и облагораживание территории — очистка лесополосы от мусора, ремонт въездного знака, установка временной конструкции для размещения памятных табличек. В планах — отсыпка дороги к мемориалу, начиная от съезда автотрассы до подъезда к стилизованным воротам — металлическим винтовкам. Это около 1,5 км. Общая же территория комплекса занимает около 170 га, поэтому работа предстоит значительная.

По обещаниям губернатора со ссылкой на поставленные подрядчиком планы работы должны закончиться к 30 октября — ко Дню памяти жертв политических репрессий. А уже на следующий год со сходом снега планируются

ограждение мемориального комплекса, посадка деревьев и прочая работа, призванная в значительной степени облагородить памятное место.

До последнего времени не было определено четкого источника финансирования исследований в данном направлении, равно как и на благоустройство и содержание. Но общественные деятели и просто небезразличные люди сходились во мнении, что финансирование должно происходить за счет финансовых вливаний соответствующих бюджетов. Наиболее правильным является финансирование из областного бюджета. Ныне действующий губернатор Сергей Левченко после вступления в должность неоднократно заявлял свое положительное мнение о сохранении и поддержании данного исторического комплекса в надлежащем состоянии.

Работа предстоит действительно большая, и очень хочется верить в исполнение планов к поставленным датам. Но, без всякого сомнения, отрадно то, что благодаря неравнодушным людям и организациям вопрос сдвинулся с мертвой точки. Значит память об необоиманно убиенных ни в чем не повинных тысячах наших соотечественников живет в наших сердцах и бережит души ныне живущих земляков».

Елена ХРУСТАЛЕВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Мемориальный комплекс в Пивоварихе — памятник и центральный вход. Фото из архива Иркутского «Мемориала»

1921. 9 августа

Был утвержден «Наказ СНК (Совета Народных Комиссаров. — Примеч. ред.) о проведении в жизнь начал Новой экономической политики». Целью Новой экономической политики было введение частного предпринимательства и возрождение рыночных отношений, восстановление народного хозяйства. НЭП был вынужденной мерой и во многом импровизацией. Однако за 7 лет своего существования он стал самым удачным экономическим проектом советской власти.

1931 г. Февраль—август

Коллегия ОГПУ вынесла приговоры по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» (т.н. «Академическое дело»). Это был ключевой акт в подчинении государству Академии наук, претендовавшей до тех пор на определенную независимость. Были репрессированы 100 ученых и сотрудников АН СССР, пятеро из них казнены. Впервые в истории России 4 действительных члена Академии наук были исключены из нее и подвергнуты репрессиям. В следующую четверть века (до 1955 г.) в лагерях, тюрьмах и ссылках всегда находился хотя бы один академик.

1936. 19–24 августа

Военная коллегия Верховного суда СССР слушала дело «террористического троцкистско-зиновьевского центра». Подсудимые обвинялись в том, что, будучи якобы членами подпольной троцкистско-зиновьевской террористической организации, они являлись активными участниками подготовки убийства руководителей партии и правительства. Бывший председатель Коминтерна Г. Зиновьев, бывший член политбюро ЦК ВКП(б) Л. Каменев и 14 других обвиняемых были приговорены к смертной казни и расстреляны. Это был первый процесс, на котором члены внутрипартийной оппозиции, ранее находившиеся в ссылках и политизоляторах, были приговорены к смертной казни. Процесс, в подготовке которого сыграл большую роль будущий нарком внутренних дел Ежов, открыл эпоху Большого террора.

1941. 12 августа

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об амнистии бывших граждан Польской республики». Ранее, 30 июля были восстановлены дипотношения — т.е. СССР признал недействительность советско-германских договоров о территориальных переменах в Польше. Из поляков, освобожденных из заключения на территории СССР, стала формироваться польская армия во главе с генералом Андерсом, который до августа 1941 г. находился под следствием на Лубянке. Согласно докладу Берии Сталину, из заключения и ссылки были освобождены 341 840 поляков. Из оставшихся в живых 26 297 пленников «освободительного похода» 1939 г. в армию Андерса вступили 25 115 человек. Андерс и его офицеры интересовались судьбой «исчезнувших» в 1940 г. военнопленных польской армии, попавших в плен в СССР после раздела (в 1939 г.) Польши между гитлеровской Германией и СССР. 3 декабря во время встречи со Сталиным Андерс и прилетевший из Лондона Сикорский вновь подняли вопрос о судьбе узников Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей. Сталин в ответ заявил, что они «убежали», и посоветовал искать их в Маньчжурии.

28 августа

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья». В сентябре-октябре 1941 г. было депортировано 446 480 советских немцев (по другим данным 438 280 были переселены на Урал, в Сибирь и Казахстан и до 1955 г. жили на положении ссыльных. Это была первая и самая крупная из этнических депортаций периода Великой Отечественной войны.

В последующие месяцы депортация коснулась почти всего немецкого населения, проживавшего на территории Европейской части России и Закавказья. Переселение немцев производилось постепенно и завершилось к маю 1942 г. Всего в годы войны было переселено до 950 тысяч немцев в Республику Коми, на Урал, в Казахстан, Сибирь и на Алтай. На сборы им отводилось 2 дня.

31 августа

В Елабуге покончила жизнь самоубийством Марина Цветаева.

В 1939 г. Цветаева вернулась из эмиграции (1922–1939) в СССР вслед за мужем, Сергеем Эфроном и дочерью Ариадной. 27 августа 1939 г. была арестована ее дочь Ариадна, 10 октября — муж. Сергей Эфрон был расстрелян 16 октября 1941 г. В начале августа 1941 г. Марина выехала в эвакуацию в Елабугу. Ариадна после 15 лет заключения и ссылки была реабилитирована в 1955 г.

1946. 14 августа

Вышло постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Постановление касалось «идеологически вредных и в художественном отношении очень слабых произведений»: стихотворения Анны Ахматовой «Вроде монолога» и рассказа Михаила Зощенко «Приключения обезьяны». В результате Ахматова и Зощенко были исключены из Союза писателей СССР. В 1988 г. постановление было признано ошибочным и отменено.

1956. Август—октябрь

В журнале «Новый мир» (№ 8–10) был опубликован роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» об изобретателе, который во времена Сталина ведет тщетную борьбу с бюрократией, пока с ним самим не расправляются, прибегнув к клевете. Публикация вызвала мощный общественный резонанс, став одним из символов «оттепели».

1961. 12–13 августа

За одну ночь по решению правительства СССР и ГДР в Берлине была воздвигнута стена, разделившая город. В течение 28 лет Берлинская стена была символом холодной войны и раскола Европы на «лагерь социализма» и «лагерь капитализма».

1976. Август

В Самиздате вышел первый выпуск исторического сборника «Память». Из редакционного предисловия: «Главные наши исторические тайны — особого рода. В эти тайны посвящены миллионы людей. Первоочередной своей задачей редакция ставит сбор исторических свидетельств и последующую публикацию их. Редакция считает своим долгом спасти от забвения все обреченные на гибель, на исчезновение исторические факты и имена, а также имена тех, кто казнил, шельмовал, доносил». За 5 лет (1976–1981), до ареста главного редактора сборника Арсения Рогинского, было подготовлено 5 выпусков. Сборник издавался анонимно.

3 августа

По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был расстрелян капитан третьего ранга Валерий Саблин. 8–9 ноября 1975 г. он захватил противолодочный корабль Балтийского флота «Сторожевой», объявил его «свободной территорией» и пригласил на борт корабля руководство страны на переговоры. Корабль подвергся бомбардировке и был задержан в открытом море. К этому времени Саблин был арестован членами экипажа.

25 августа

В Дубне умер физик, поэт, публицист Самиздата Гершен Исаевич Копылов (псевдоним Семен Телегин). Он был автором нонконформистских сатирических стихов: «фольклорного» романа в стихах «Евгений Строммынкин» (1949–1956), «Четырехмерной поэмы» (1964–1972) и др.

1991. 23 августа

Б.Н. Ельцин издал указ о приостановке деятельности КПСС, который положил конец деятельности КПСС не только как правящей партии, но и как общественной организации.

1921. 1 сентября

Было опубликовано постановление петроградской ЧК о расстреле 61 члена так называемой «Петроградской боевой организации». Среди расстрелянных был поэт Николай Гумилев. Всего по обвинению в причастности к этой организации было репрессировано более 800 человек. Согласно дополнительной проверке материалов уголовного дела ПБО, проведённой в 1992 г. прокуратурой РФ и следственным управлением Министерства безопасности России, было установлено, что «ПБО, ставившей целью свержение советской власти, как таковой»

не существовало, она была создана искусственно следственными органами из отдельных групп спекулянтов и контрабандистов, занимавшихся перепродажей денег и ценностей за границей и переправкой людей, желавших эмигрировать из России, а уголовное дело в отношении участников организации, получившей свое название только в процессе расследования, было полностью сфальсифицировано». Все участники «Петроградской боевой организации», за исключением лиц, в отношении которых отсутствуют решения следственных органов, были реабилитированы.

1931. 17 сентября

Приказом ОГПУ был организован Карагандинский ИТЛ (Карлаг). В 1930–1950-е гг. он был основным сельскохозяйственным лагерем страны. Численность заключенных в Карлаге достигала 65 тысяч (в основном это были женщины). Карлаг расформирован в 1959 г. Приказом ОГПУ организован Свирский ИТЛ (Свирлаг) с центром в Лодейном поле (Ленинградская область) для заготовки дров для Ленинграда. Численность заключенных в Свирлаге достигала 47 тысяч.

1941. 3 сентября

В Уфе родился Сергей Донатович Довлатов. Еще до эмиграции из СССР он стал одной из центральных фигур неофициальной литературы Ленинграда. Как почти каждый журналист, Довлатов мечтал стать писателем, но печатать его в СССР категорически отказывались, что и привело в итоге к практически вынужденной эмиграции. В годы «перестройки» его произведения стали печататься на родине. Писатель сразу же получил оглушительную популярность. Довлатов умер в Нью-Йорке в 1990 г. 3 сентября 2016 г. в Санкт-Петербурге установлен памятник писателю.

7 сентября

Указом Президиума Верховного Совета СССР была ликвидирована Автономная Республика немцев Поволжья. Территория упраздненной республики была поделена между Саратовской и Сталинградской областями. Автономная Республика немцев Поволжья не была восстановлена даже в постсоветский период.

11 сентября

В Медведковском лесу под Орлом по распоряжению Сталина были расстреляны 157 политзаключенных Орловской тюрьмы. В их числе были старые революционеры Христиан Раковский и Мария Спиридонова.

29–30 сентября

Спецподразделениями СС и украинской полиции в овраге Бабий Яр на окраине Киева были расстреляны более 30 тысяч киевских евреев.

1961. 7 сентября

Начальник кафедры Военной академии им. Фрунзе генерал-майор Петр Григоренко выступил на предсезонной партийной конференции Ленинского района Москвы с требованием внести в устав КПСС пункты, гарантирующие от нового культа личности, и с предложениями о демократизации внутрипартийной жизни. За это выступление Григоренко получил строгий партийный выговор и был переведен на Дальний Восток.

1971. 11 сентября

В Москве умер Никита Сергеевич Хрущев, неоднозначный и противоречивый руководитель СССР с 1958 г. по 1964 г. Период правления Хрущева часто называют «оттепелью»: были выпущены на свободу заключенные, по сравнению с периодом правления Сталина активность репрессий значительно снизилась, уменьшилось влияние идеологической цензуры. Вместе с тем с именем Хрущева связаны и организация самой жесткой в послевоенный период антирелигиозной кампании, и значительное усиление карательной психиатрии, и расстрел рабочих в Новочеркасске, и неудачи в сельском хозяйстве и внешней политике.

1976. сентябрь

В Польше был создан независимый Комитет защиты рабочих (КОР), ставший одним из мозговых центров, подготовивших появление в 1980 г. массового профсоюза «Солидарность».

КОР выступал с позиций демократического социализма, левого либерализма и католического солидаризма. Его активисты занимались правозащитной деятельностью в политической и социально-трудовой сферах, прежде всего помощью преследуемым в ПНР забастовщикам и репрессированным диссидентам. КОР сыграл важную политическую роль как структура, соединившая интеллигентскую оппозиционность с массовыми рабочими протестами. Многие члены КОР стали ведущими активистами Солидарности и крупными политиками Третьей Речи Посполитой. ***

В швейцарском издательстве L'Age d'Homme вышла книга Александра Зиновьева «Зияющие высоты». Это основанная на дневниках автора политико-философская сатира на политическую и культурную жизнь в Советском Союзе при Сталине, Хрущеве и Брежневом с изложением фантазмагорического будущего СССР. В том же году Зиновьев был лишен ученых степеней, званий и правительственных наград.

1981. 2–4 сентября

Во Владимирском областном суде слушалось дело правозащитника и публициста Анатолия Марченко. Это был его седьмой суд, который приговорил его к 10 годам колонии особого режима и 5 годам ссылки. Марченко умер в заключении в Чистопольской тюрьме 8 декабря 1986 года через несколько дней после окончания длительной голодовки. Он добивался прекращения издевательств над политзаключенными в СССР и их освобождения. Смерть Марченко имела широкий резонанс в диссидентской среде СССР и в зарубежной прессе. Его смерть и реакция на нее подтолкнули Михаила Горбачева начать процесс освобождения политзаключенных.

1986. 28 сентября – 5 октября

Юрий Орлов — физик, правозащитник, руководитель Московской Хельсинкской группы, отбывавший ссылку в Якутии, — был доставлен в Москву, где ему объявили о лишении его советского гражданства и вывели на самолете в Нью-Йорк. Орлов был освобожден в обмен на арестованного в США советского разведчика Геннадия Захарова, сотрудника представительства СССР в ООН.

На снимке: Жители Восточного Берлина уже не могут пройти на другую сторону. Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Учредитель:

Международная общественная организация

«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:
129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва,
Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

Над номером работала

Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 133 от 25.09.2016 г. (август — сентябрь 2016). Время подписания в печать: установленное по графику — 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно